

18+

Александрина

СЛЕЗА БУДДЫ

Александрина
Слеза Будды

«Издательские решения»

Александрина

Слеза Будды / Александрина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510771-8

Героиня, получив семейную реликвию с чёрным бриллиантом, случайно узнаёт, что камень поддельный. Антиквара, оценивающего её, находят мёртвым. Героиню подозревают в его убийстве, а реликвия исчезает. Продолжается серия загадочных убийств. Через подпольные выставки картин советских художников следствию удаётся напасть на след преступной группировки и магистра оккультной организации, который любой ценой пытается завладеть чёрным бриллиантом, называемым согласно древней легенде «Слезой Будды».

ISBN 978-5-00-510771-8

© Александрина
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Помолвка	6
Глава 2. Разочарование	11
Глава 3. Подозреваемая №1	15
Глава 4. Зина	28
Глава 5. Операция «Ы»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Слеза Будды

Александрина

© Александрина, 2020

ISBN 978-5-0051-0771-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Помолвка

Я не верила своим глазам. Мой взгляд был прикован к небольшому сверкающему камешку, мало чем отличающемуся от остальных. «Неужели этот крошечный минерал мог обладать такой огромной силой, влиять на судьбы целых поколений?» – думала я и чувствовала, как стена, отделяющая меня от человека, сидящего напротив, исчезла, просто растворилась, не оставив и следа, и поток чувств, сдерживаемый невероятным усилием воли где-то в подсознании, хлынул в моё сердце, наполняя его, как вода наполняет кувшин, подставленный под струи водопада, переливаясь через его край.

Наконец, оторвав взгляд от серёжки, я осмелилась взглянуть на шефа. Он встал из-за стола, подошёл к открытому окну и закурил. Через минуту, которая показалась мне вечностью, не оборачиваясь в мою сторону, Рихтер произнёс:

– Надеюсь, теперь, Татьяна Павловна, вы назовёте мне истинную причину отказа от моего предложения?

Этим вопросом он застал меня врасплох. Возникла неловкая пауза.

– Других у меня нет, – наконец, тихо ответила я и тут же пожалела о своих словах – выходит, я призналась ему в любви?

– Так вы согласны стать моей женой? – спросил он с ноткой недоверия в голосе, резко обернувшись в мою сторону и оставив недокуренную сигарету в пепельнице, стоявшей на подоконнике.

«То, что чёрный бриллиант непостижимым образом оказался именно у Рихтера – это знак свыше, – промелькнуло в моём сознании. – Но если бы даже не это обстоятельство, открывшееся совершенно случайно, вряд ли бы я смогла долго сдерживать лавину чувств, управлять которыми с каждым днём становилось всё труднее и которые, достигнув своей критической массы, уже готовы были оползнем сползти с горы, круша всё на своём пути».

Я слегка кивнула в знак согласия, опустив при этом глаза. Он подошёл ко мне вплотную. Я встала, почувствовав, как тёплая волна блаженства накрывает меня с головой, когда наши глаза встретились.

Охватив моё лицо своими большими ласковыми руками, он нежно прильнул к моим губам. Как мне хотелось остановить это мгновение! Я упивалась ароматом его сигарет, насквозь пропитавшим усы, приятное щекотание которых явили моему зору прабабушку, слившуюся в поцелуе со своим гусаром, и я испытала то самое чувство ликования, как когда-то при виде небезызвестной мне пары, вальсирующей на балу под волшебные звуки вальса Штрауса.

Раздался стук в дверь, прервавший мгновения внезапно нахлынувшего счастья. Мы отпрянули друг от друга. В «предбаннике» раздался Лёхин голос:

– Шеф! Тыква, ой, простите, Татьяна Павловна, не у вас, случайно? – При этих словах из-за угла появилась сначала голова Кабана, а потом и он сам предстал во всей красе, в медицинской шапочке, сбившейся набекрень, что придавало ему сходство с Петрушкой.

– У меня, – невозмутимо ответил шеф, при этом незаметным движением убирая серёжку в выдвижной ящик письменного стола. – Мы обсуждали детали завтрашней операции у пациента с пенетрирующей язвой желудка.

– Я её полчаса по всему отделению ищу. Больной давно уже на столе. Два раза из зала звонили.

– Не смею больше вас задерживать, Татьяна Павловна, – обратился Рихтер ко мне. – Об остальных деталях поговорим завтра.

– Хорошо, – ответила я, выходя вместе с Лёхой из кабинета шефа и направляясь в операционный зал.

– Тыква, а что ты такая красная как помидор? – спросил Кабан и, добавив: – Тебе жёлтый цвет больше подходит», – расхохотался.

– Шеф выговор сделал. Сказал, что плохо воспитываю своих подчинённых.

– Кого это он имел в виду?

– Догадайся с трёх раз, – ответила я, подумав с облегчением, что удалось перевести разговор в другое русло.

– Я тебе не подчинённый.

– Что, Лёшенька, на воре и шапка горит? Может быть, речь шла вовсе не о тебе?

– Можно подумать, что у тебя другие подчинённые есть.

– Ну, вот видишь, сам признался, – засмеялась я, явно озадачив Лёху.

– И чем же я шефу не угодил? – продолжал допытываться Кабан.

– Был не доволен, что позволяю называть себя Залежалой Тыквой. Сказал, ещё раз услышит, выгонит тебя из отделения.

– Тебе, значит, можно называть меня кликухой, а мне тебя – нет?

– Лёшенька, знаешь, в чём разница?

– Ну?

– Я не называю тебя Кабаном прилюдно, – ответила я, еле сдерживая смех, потому как Лёха при всём своём бесшабашном характере был патологически труслив, когда дело касалось его благополучия. Я давно подметила эту его черту характера и частенько пользовалась этим, придумывая какую-нибудь невинную шутку, которую он принимал за чистую монету, вмиг превращаясь из кабана в маленького беззащитного кабанчика, предназначенного для праздничного стола. – Не дрейфь, Кабан. Такого крутого специалиста, как ты, шефу всё равно не найти. Так что можешь не беспокоиться за свою карьеру.

– Да иди ты, Тыква!

– Мы как раз уже и пришли, – ответила я, входя в операционный блок.

Операция прошла гладко. В отделение возвращались с Кабаном порознь. Всю дорогу я думала о том, как тяжело мне будет общаться с Рихтером, не выдавая своих чувств окружающим, после того, что произошло между нами утром. Доложить о прошедшей операции шефу попросила Лёху под надуманным предлогом – необходимостью срочного осмотра неясного пациента.

«На сей раз мне удалось избежать встречи с ним, – думала я. – Но это не может продолжаться вечно. Может, всё-таки попроситься в другое отделение? Но никто другой не сможет дать мне такой возможности профессионального роста, как он», – продолжала я дискутировать сама с собой.

На следующей операции должна была ассистировать Рихтеру. «Хорошо, что маска скрывает лицо», – думала я, чувствуя, как пылают щёки, и буквально на автомате завязывала узлы на очередном анастомозе.

По её завершении шеф поблагодарил всех участников за хорошую работу и направился заполнять операционный журнал, а я, вздохнув с облегчением, – в отделение.

Как я ни пыталась избежать с ним встречи в этот день, к концу рабочего дня он нашёл предлог пригласить меня в свой кабинет.

– Мы с вами утром не договорили, Татьяна Павловна, – произнёс Рихтер, предлагая мне стул.

– Разве? Мне кажется, мы с вами выяснили отношения.

– Во-первых, вы забыли свою семейную реликвию, – сказал шеф, открывая маленьким ключиком выдвижной ящик и доставая из него серёжку. Вложив её в мои руки почти так же, как когда-то Борис Львович вкладывал в мои ладони раковину с жемчужиной, он произнёс: – Берегите её! Надеюсь, она станет нашей общей семейной реликвией.

Я зарделась от смущения, представив, как много лет назад мой прадед передавал в руки прабабушки футляр с серёжками, сопровождая свой подарок почти такими же словами.

– Спасибо, Александр Ромуальдович.

– Меня не за что благодарить. Это я должен благодарить судьбу за то, что преподнесла мне такой подарок. Не хотелось бы откладывать наше бракосочетание в долгий ящик. Поэтому хочу вас попросить захватить завтра на работу свой паспорт.

– Александр Ромуальдович, но мне кажется это слишком поспешным решением, – ответила я, находясь в состоянии смятения от столь стремительно разворачивающихся событий. – Вы не дали мне времени на обдумывание такого важного решения.

– А разве вы не дали мне согласие сегодня утром? Или уже успели пожалеть об этом?

– Нет, – ответила я нерешительно. – Просто не думала, что всё произойдёт так стремительно. Понимаете, я морально не готова к семейной жизни. Столько лет запрещала себе думать об этом, что, боюсь, мне понадобится немало времени на обратный процесс. И потом, хозяйка из меня никакая. Я даже готовить толком не умею.

– Если я сумел научить вас оперировать, научить готовить не составит для меня труда. Можете не сомневаться. А что касается поспешности решения, то у вас будет предостаточно времени не только обдумать моё предложение, но и передумать его принимать, что, надеюсь, не произойдёт.

Мне так хотелось в этот момент, чтобы Рихтер подошёл ко мне, прильнул к моим губам, ещё раз подарив то сладостное чувство, от которого до сих пор одновременно млело и билось моё сердце словно птица в клетке, не находя выхода. Но он не подходил, тем самым заставляя меня страдать. В какой-то момент мне даже показалось, что он рассуждает как прагматик, ищущий себе удобную подругу жизни.

На следующий день после работы мы подали заявление. Бракосочетание было назначено на конец сентября. Поскольку афишировать свои отношения не входило в наши планы, мы согласились на предложение работника загса провести эту процедуру в будний день в 9 часов утра. «Если в старые добрые времена тайно венчались, то мы будем тайно бракосочетаться», – подумала я. Дело в том, что супругам, один из которых находился в непосредственном подчинении у другого, законом было запрещено работать вместе. Так что о своих намерениях решили не сообщать даже самым близким друзьям.

Мы продолжали общаться между собой так, как будто между нами ничего не произошло. Казалось, Рихтер не проявляет ко мне ни малейшего интереса, обращаясь со мной исключительно как начальник с подчинённой. На мой взгляд, он вёл себя достаточно странно. Мы не встречались с ним вне работы. Он больше ни разу не пытался меня поцеловать. Я всё больше и больше стала склоняться к мысли, что его целью было овладеть моим сердцем и, добившись её, он просто охладел ко мне. Всё чаще мне стало приходить на ум сравнение его с Пигмалионом, который уже начал лепить из меня свою Галатею, чтобы, в конце концов, полюбить творение своих рук. «Недаром же он упомянул, что научил меня оперировать, а потом и борщи научит варить, а потом и в искусство любви, наверное, посвятит. Найдя в моём лице неискوشённую в любви наивную дурочку, он просто ставит надо мной свои гнусные эксперименты», – думала я. И чем ближе становился день нашего бракосочетания, тем большие сомнения меня одолевали.

За неделю до назначенного события Рихтер наконец-то пригласил меня в «Арагви». Это был один из лучших ресторанов Риги.

Таким элегантным я его ещё никогда не видела. Да, честно говоря, кроме как в белом халате и шапочке или операционном костюме, видела крайне редко. Насколько я помню, его гардероб не отличался разнообразием. По-моему, шефа вообще не заботило, во что он был одет.

Но в этот день на нём был строгий чёрный костюм с иголки, белоснежная сорочка и красивый галстук в полоску, преобразившие его до неузнаваемости.

На столике, который был заранее зарезервирован, красовался роскошный букет.

– Танечка, вам может показаться странным моё поведение по отношению к вам в отделении, – произнёс он, отодвигая стул и предлагая мне занять своё место. – Но оно объясняется только одним: я всё время боюсь вас скомпрометировать. Вы же знаете, какие у нас в больнице злые языки.

– Откровенно говоря, я действительно усомнилась в ваших искренних чувствах по отношению ко мне.

– А вот это зря, – сказал он, улыбаясь и кладя на столик футляр в виде сердца, обтянутый красным бархатом. – Это мой свадебный подарок.

Я была изумлена, увидев внутри футляра кулон на золотой цепочке в виде грозди винограда, обвитой змеёй, точь-в-точь как на серёжках, с одним лишь различием – между челюстями змеи поблёскивал прозрачный бриллиант.

– Какая красота! Это же очень дорогой подарок! – воскликнула я.

– К сожалению, не такой дорогой, как ваша серёжка, но бриллиант настоящий, хоть и не чёрный, – произнёс шеф, улыбаясь.

– Как вам удалось это сделать?

– Благодаря нашему общему знакомому, Борису Львовичу, по чертежам его отца. Даже вашу семейную реликвию не пришлось привлекать к этому мероприятию. Он же и ювелира мне порекомендовал.

– Я даже не знаю, как выразить слова благодарности и моей признательности вам.

– Не стоит. Я и сам испытал огромное чувство радости, когда мне удалось осуществить эту затею. Позвольте, я помогу вам надеть кулон?

Я кивнула, подумав при этом: «Когда-то мой прадед точно так же надевал колье на шею Елены Николаевны».

Достав из футляра кулон, Рихтер подошёл ко мне сзади, приложил к моей груди виноградную гроздь со змеёй, висевшей на золотой цепочке, и, застегнув застёжку, нежно приложился губами к шее, отчего мурашки забегали по моему телу. Мне казалось, что всё это происходит не со мной, что я просто являюсь зрителем какого-то фильма или нахожусь под влиянием сновидения, которое тотчас же исчезнет, стоит мне только открыть глаза.

Согласовав со мной меню, он сделал заказ подошедшему к нам официанту.

– А теперь, Татьяна Павловна, нам нужно будет обсудить более прозаичные дела, – сказал шеф, вновь переходя на официальный тон.

«Неужели этот человек через неделю станет моим мужем?» – думала я с удивлением и страхом одновременно, а он между тем продолжал:

– Нам необходимо придумать легенду, объясняющую совместное отсутствие на утренней конференции в следующий понедельник. Думаю, в пятницу, после разбора больных, я мог бы отпроситься у профессора под предлогом необходимости принять участие в операции в гинекологической клинике, а вы позвоните ему в воскресенье вечером и отпроситесь под предлогом семейных обстоятельств, что, кстати, не будет противоречить истине.

– Это вполне правдоподобная легенда, – подтвердила я.

– В половине девятого я заеду за вами, а после бракосочетания мы сразу же направимся в больницу и приступим к своим непосредственным обязанностям, – продолжал Рихтер. – Вечером предлагаю отметить это событие в кругу вашей семьи в ресторане. Заодно и познакомимся. Надеюсь, вы поставили в известность своих родных. У меня их, к сожалению, не осталось. Только друзья.

Тут только до меня дошло, что я не удосужилась рассказать о таком важном событии в моей жизни не только сестре, но и родителям. «Может быть, оттого, что не воспринимала предложение шефа всерьёз? – думала я. – Или боялась сглазить?»

– Неужели нет? – видя моё замешательство, удивлённо спросил он. – Хотя я сам виноват. Наверное, нужно было у них официально попросить вашей руки.

– Нет-нет. Я сама сообщу им об этом.

– Уверены? – спросил Рихтер, улыбаясь и накрывая мою руку своей большой тёплой ладонью, отчего чувство сладостного томления вновь охватило меня.

Я кивнула.

Официант принёс заказ. Так и не притронувшись к еде, представленной изысками грузинской кухни, я моментально захмелела от бокала хванчкары.

Шеф, видя моё состояние, расплатился с официантом и вызвал такси. Всю дорогу домой я думала только о том, как окажусь в его объятьях.

Когда мы подъехали к моему дому, он помог мне выбраться из машины, поцеловал руку и, пожелав спокойной ночи, тут же уехал, оставив меня в состоянии полного смятения.

Глава 2. Разочарование

В пятницу вечером позвонил Борис Львович:

– Танечка, – сказал он после короткого приветствия. – Мне кажется, что в вашей жизни намечаются большие перемены. Таки да или нет?

– Таки да, дорогой Борис Львович! – в тон ему ответила я.

– Очень рад за вас. Лучшего избранника не мог бы вам и пожелать.

– Большое спасибо!

– Единственное, что меня огорчает, так это то, что вы совсем забыли о своём старом, но преданном друге. Надеюсь, я имею право считать себя таковым?

– Конечно же, дорогой вы мой человек.

– Тогда почему же, позвольте узнать, должен только догадываться о таком важном для вас, а значит, и для меня, событии? – спросил он без обиды в голосе.

– Потому, что о нём пока никто не должен знать. Даже своих родственников я поставила в известность только вчера. Так что у вас, дорогой Борис Львович, совершенно нет причин для огорчения, тем более что я намерена, наконец, не только открыть вам семейную тайну, но и кое-что показать.

– Не о вашей ли семейной реликвии идёт речь?

– Вы угадали.

– Чрезвычайно заинтригован. Так, может быть, вы загляните завтра в мой магазин часиков эдак в пять? Заодно и с Зинойчкой вас познакомлю, моей новой помощницей. Знаете, мне с ней очень повезло. Она не только хорошо разбирается в антиквариате, но и по хозяйству помогает. Не человек, а золото.

– Я рада за вас. Обязательно завтра буду.

– Вот и ладненько. Буду ждать. Спокойной ночи, Танечка!

– Спокойной ночи, Борис Львович! До завтра.

Положив телефонную трубку, я принялась перебирать свой гардероб. Нужно было подобрать что-то такое, что бы выглядело одновременно и нарядно, и скромно и ни у кого не вызвало никаких подозрений. Взгляд упал на тёмно-коричневый панбархатный костюм, сшитый на заказ ещё год назад. На нём я и остановилась. Примерив костюм с кружевной кремовой блузкой, осталась довольна своим выбором.

На следующий день, захватив с собой серёжку с чёрным бриллиантом и купив по дороге всяких сладостей, отправилась в гости к антиквару.

– Чрезвычайно рад вас видеть, Танечка! – поприветствовал он меня, встречая на пороге магазина.

– Взаимно, Борис Львович, – ответила я, вручая ему пакет с гостинцами.

– Это вы зря. У нас с Зинойчкой уже всё готово к чаепитию.

Зинойчкой оказалась миловидная жгучая брюнетка с модной короткой стрижкой и полными губами, накрашенными яркой красной помадой, лет сорока. Она была довольно полная, но грамотно, если можно так выразиться, одетая, одна из тех женщин, которые недостатки фигуры умели превратить в её достоинства.

На ней был красивый шёлковый балахон с большим пикантным вырезом, открывающим ложбинку между двумя полукружиями пышной груди, надетый поверх удлиненной тёмной юбки с разрезом. Высокие каблуки элегантных туфель удлинляли фигуру и способствовали уравновешиванию неидеальных пропорций фигуры. На груди покоилось янтарное кольцо, а с ушей свисали длинные серьги.

Борис Львович представил нас друг другу.

– Ну что же, девочки, прошу к столу! – произнёс он торжественно, указав на сервировочный столик у камина, вокруг которого стояли три кресла.

Греющие душу воспоминания, связанные с этим седовласым человеком, и отложенные уже где-то на задворках моей памяти, начали проплывать перед глазами. Я совершенно чётко увидела даму «в платье лилового цвета» и преподнесённый мне Борисом Львовичем урок психологии, а потом и себя собственной персоной в его кабинете за работой, когда безуспешно пыталась перенести на холст сияние жемчуга, и душевные беседы у камина за этим же самым сервировочным столиком. И всё это я именно видела, а не представляла. Как будто кто-то повернул время вспять или начал прокручивать назад плёнку кинофильма.

Мне стало грустно, что теперь Зиночка, а не я сервирует этот столик и коротает длинные зимние вечера в компании Бориса Львовича. И кукушка каждый раз ей, а не мне напоминает о том, что пора уходить.

– Танечка, вы о чём-то задумались, – прервал мои мысли антиквар.

– Вспомнила чудесные мгновения, проведённые в вашей компании.

– Я и сам частенько вспоминаю о них. Предлагаю выпить за ваше знакомство и за нашу совместную встречу по бокалу этого прекрасного французского вина, – произнёс Борис Львович, разливая напиток.

– Мой начальник знает толк в винах, – произнесла Зиночка, поднимая свой бокал.

Беседа оживилась. Мне не хотелось посвящать постороннего человека в тайну своего рода, а уж тем более показывать семейную реликвию. Поэтому в присутствии Зиночки я предпочла говорить о работе и о семье. О предстоящей через день свадьбе тоже умолчала.

Зиночка рассказала, что трижды была замужем, но все три брака оказались неудачными. Детей у неё не было. Единственной отдушиной в её жизни была работа, а самым близким человеком оказался Борис Львович.

Мой взгляд упал на вертикальную витрину с домашней утварью, среди которой лежали и несколько ножей с инкрустированными деревянными и металлическими рукоятками. Дверцы витрины отличались.

– Вот одним из таких ножичков меня и пытался прикончить грабитель, – перехватив мой взгляд, произнёс антиквар.

– Насколько я знаю, преступника так и не нашли? – разочарованно спросила я.

– К сожалению, нет.

У Зины, как видно, впервые слышавшей эту историю, округлились глаза.

– На вас напал грабитель? – со страхом спросила она Бориса Львовича. – Почему же вы ничего мне об этом не рассказывали?

– Не хотел пугать попусту. Ведь, если бы я не остался тогда ночевать в магазине, ничего бы такого не случилось – когда я уйду домой, всегда включаю сигнализацию.

– Интересно, как бандит смог бесшумно войти в магазин? – спросила Зина.

– Думаю, он открыл дверь отмычкой, поскольку она не была взломана, а ключи были только у меня и у Люсенки, которая в это время находилась с малышом у своей мамы в деревне. Это следователь установил.

– Но она могла передать ключ, к примеру, своему мужу или ещё кому-нибудь, – возразила я.

– Её муж в то время вообще находился в другом городе – он у неё дальнобойщик. Одно то, что преступник явно не ожидал увидеть меня в столь поздний час в магазине, а Люсенка хорошо знала об этой моей привычке оставаться здесь ночевать, снимает с неё малейшие подозрения.

– Неужели вы хотя бы в общих чертах не запомнили напавшего на вас негодяя? – спросила я. – Ведь он нанёс удар спереди.

– В том-то и дело, что нет. Преступник притаился у этой самой витрины с ножами, когда я вышел из кабинета, услышав странный шорох. В зале было темно. Внезапно он ослепил меня светом от фонаря. В этот момент я услышал звон разбитого стекла и почувствовал сильный удар в грудь.

– А что сказал следователь по поводу отпечатков пальцев на ноже, который мы ему передали?

– Эксперт обнаружил множество отпечатков на рукоятке, что неудивительно – ведь многие люди держали в руках этот нож. Весьма возможно, что среди них были и отпечатки пальцев преступника, если только он не был в перчатках, но ни один из найденных не совпал с образцами, имеющимися в милицейской картотеке. Даже следы его крови, оставленные на разбитом стекле витрины, следствию не помогли.

– Странно всё-таки, что грабитель на вас напал. Он ведь мог просто убежать, прихватив с собой что-нибудь ценное. У меня есть один знакомый, бывший вор в законе. Так вот, он говорил, что воровской кодекс чести не позволяет ворам убивать людей.

– Ну у вас и знакомые, Танечка, – укоризненно покачав головой, произнёс Борис Львович. – Таки он и шёл на дело безоружным. А украсть ничего просто не успел. Видно, испугался при моём внезапном появлении. Да к тому же я успел нажать на сигнальную кнопку.

– Таки удар у вашего обычного грабителя слишком профессиональный – прямо в сердце, – в тон ему произнесла я. – И потом, вам не кажется странным, Борис Львович, что, услышав вой сирены, вместо того, чтобы бежать без оглядки, воришка попытался сначала вас убить? Мне кажется, в этом не было никакой необходимости, тем более что при этом он оставил следы на месте преступления.

– Ну не думаете же вы, в самом деле, что у него был резон покушаться на жизнь старого больного человека, никому не причинившего зла в этой жизни?

– Как знать? – ответила я, разводя руками.

Зиночка, видимо, заскучав от нашей беседы, превратившейся в диалог, вышла на улицу покурить. А я, воспользовавшись ситуацией, дала понять Борису Львовичу, что хочу с ним поговорить наедине.

– Ну, мне пора! – будто прочитав мои мысли, произнесла Зиночка, вернувшись. – Рада была с вами познакомиться, – произнесла она, обращаясь ко мне.

– Взаимно. Я ещё задержусь ненадолго.

Как только Зина покинула магазин, я достала из сумочки семейную реликвию и положила её на столик перед антикваром со словами:

– Вот, Борис Львович, полюбуйте. Эта та самая серёжка с чёрным бриллиантом, которую моя прабабушка когда-то заложила в ломбард, чтобы спасти своего гусара, а на вырученные деньги заказать у вашего отца дуплет.

– Не может быть! Откуда она у вас? – воскликнул он. – Кстати, про чёрный бриллиант вы мне ничего не говорили.

– Разве? – И я рассказала во всех подробностях и про чёрный бриллиант, и про то, каким чудесным образом серёжка попала в мои руки.

Вставив биноклярную лупу в глаз, антиквар стал внимательно её рассматривать.

– Изумруды настоящие, сапфиры тоже. Прозрачные бриллианты подлинные, – приговаривал он, вертя виноградную гроздь со змейкой и рассматривая каждый камешек. – Танечка, боюсь, что я вас огорчу, но я не обнаружил в вашей серёжке чёрного бриллианта, – сказал он, наконец.

– А что же это тогда за камень? – изумлённо спросила я, показывая на маленький кристаллик у самой головы змейки, который, как мне казалось, блестел ярче остальных.

– Мне кажется, это вообще не драгоценный камень, – произнёс он, продолжая всматриваться в указанный мною камешек. – Вообще-то, Танечка, настоящие чёрные бриллианты

не блестят. Это сейчас их научились искусственно облагораживать, а в то время, когда были изготовлены эти изумительные серьги, чёрные алмазы практически не использовали в ювелирном деле из-за обилия примесей и отсутствия блеска. Правда, были исключения. Насколько мне известно, в 19-м веке знаменитый чёрный алмаз изумительной красоты под названием «Чёрный Орлов» был разделён на три части и огранён. Но за ним тянется такой шлейф мистических и трагических историй, что вам и не снилось. Кстати, сейчас он находится где-то за пределами Союза.

– Как рассказывала мне бабушка, этот бриллиант обладал магической силой. Скорее всего, именно с этой целью он и был вставлен в одну из серёг... Но если его нет в этой серёжке, возможно, он был в другой, которую прабабушка принесла вашему отцу, чтобы сделать дуплет. Прошло столько лет. Могла же бабушка Аня что-то напутать, – продолжала я рассуждать.

– Вы хотите сказать, что мой отец мог подменить камень? – возмутился он. – Мой отец был очень порядочным человеком, дорожающим своей репутацией и к тому же очень суеверным.

– Я этого не говорила, Борис Львович. Это просто мысли вслух. Или вы думаете, что это просто семейная легенда?

– Может быть, и легенда. Кстати, не исключено, что камешек был в той серёжке, которую ваша прабабушка продала в голодные годы, — ответил он, в очередной раз приближая змейку к своей лупе. – А вы знаете, Танечка, – через минуту произнёс антиквар, – судя по микротрещинам вокруг ячейки и по микровключениям, таки здесь был другой камень.

– Значит, кто-то подменил его, – констатировала я.

– Таки да. А теперь хорошенько подумайте, в чьих руках могла побывать ваша семейная реликвия.

– Ума не приложу.

– А давайте я покажу её завтра же своему приятелю-ювелиру, у которого ваш будущий супруг заказывал для вас кулон. Знаете ли, одна голова хорошо, а две – таки лучше.

– Хорошо. Буду премного вам благодарна.

– Непременно вам завтра позвоню, доложу о результате.

Кукушка выскочила из своего гнезда, прокуковав 9-ть раз. Пора было уходить.

Глава 3. Подозреваемая №1

На улице было уже темно. Холодный северный ветер дул мне прямо в лицо. Начал моросить дождь. Домой решила идти пешком в надежде по дороге привести в порядок свои чувства и мысли, хоть путь был неблизким. На ходу как-то легче думалось.

Дождь начал усиливаться. Встречные машины, как будто специально въезжавшие в огромные лужи, скопившиеся на обочине, обрызгивали меня грязной водой с головы до ног. Но мне было всё равно. Всю дорогу я думала о том, в скольких руках могла побывать эта злосчастная серёжка и кому нужно было подменить чёрный бриллиант, а также о том, что же мне теперь делать, когда накануне свадьбы этот камень преткновения опять ускользнул из моих рук.

Придя домой, почувствовала лёгкий озноб. Выпив большую чашку горячего чая с лимоном и мёдом, попыталась уснуть, совершенно забыв о назначенном на понедельник бракосочетании. Однако, информация, полученная от Бориса Львовича, продолжала будоражить моё воображение, не давая сомкнуть глаз. Я перебирала в уме людей, известных мне по рассказам бабушки Ани и Рихтера, которые держали в руках эту серёжку. Их оказалось восемь. Мысленно я проследила всю цепочку. Первым звеном был сам ювелир, изготовивший гарнитур, затем мой прадед и прабабушка, приёмщик ломбарда, гусар, его брат, отец Рихтера и он сам. «Прабабушку с прадедушкой, гусара, и разумеется Рихтера можно сразу исключить». – думала я. – Остаются четверо. А сколько ещё человек могли соприкоснуться с этой серёжкой, я не узнаю никогда». Это был тупик.

Присев к окну, которое давно ассоциировалось в моих мыслях с порталом, соединяющим меня с прабабушкой, стала взывать к ней, моля о помощи. Но она не подавала никакой весточки.

Озноб нарастал. Я померила температуру. Ртутный столбик термометра остановился на отметке 39,9. Впав в забытё, я провалилась в тяжёлый беспокойный сон. Ночью снились кошмары. Я видела прабабушку. Змеи на её гарнитуре ожили, и стали сползать с виноградных гроздьев к шее, при этом с каждой секундой их становилось всё больше. Достигнув шеи, они начали стремительно увеличивались в размерах и обвиваться вокруг неё. Змеиный узел затягивался. Вдруг из короны Клеопатры вылезла самая маленькая змейка, державшая во рту чёрный бриллиант, который скатился с её длинного языка, и, попав в клубок змей, заставил их вновь уменьшиться в размерах и вернуться в исходное положение.

Я проснулась в холодном поту. Подушка и постельное бельё, не говоря о ночной рубашке, были насквозь мокрыми. Меня мучила жажда. От слабости я еле встала с постели, понимая, что мне срочно нужно выпить как можно больше жидкости, чтобы не упасть в обморок. Напившись воды прямо из-под крана, с трудом сменила постельное бельё и накрылась вторым одеялом. К утру начался кашель.

Проснувшись к полудню, почувствовала жар во всём теле. Было тяжело дышать. Кашель усилился. Решила позвонить шефу:

– Александр Ромуальдович, кажется, у меня пневмония, – поздоровавшись, произнесла я.

– Я сейчас приеду.

– Не надо. Просто хотела предупредить, что не буду завтра на работе, – слабым голосом ответила я и положила трубку.

Через минут сорок раздался звонок в дверь. Накинув халат, даже не заботясь о своём внешнем виде, направилась открывать двери. В проёме стоял Рихтер.

– Что с вами? – испуганно спросил он, подхватывая моё бесчувственное тело на руки, потому как в этот момент силы покинули меня и я практически упала в обморок.

Положив меня на диван, шеф начал выслушивать мои лёгкие, прихватив с этой целью фонендоскоп.

– У вас, кажется, на самом деле воспаление лёгких. Нужно ехать в больницу.

– Я никуда не поеду, – придя в себя, ответила я.

– А вас никто не будет спрашивать.

Он по-деловому начал собирать необходимые вещи, консультируясь со мной. Предупредив дежурного врача о том, что везёт пациентку в терапевтическое отделение, помог мне одеться и сесть в машину. Через 20 минут мы уже были в больнице.

Бракосочетание пришлось отложить, о чём я сообщила родителям по телефону, сказав, будто мне срочно нужно уехать в Ленинград на пару недель по заданию профессора, касающегося моей диссертации. «Наверное, это – знак свыше», – подумала я, не зная, радоваться или печалиться этому обстоятельству.

Шеф навещал меня каждый день. Я быстро шла на поправку. В конце недели ко мне в палату заявился человек, представившийся следователем по особо важным делам, капитаном Никишкиным. Он был сравнительно молодым человеком, самоуверенным и амбициозным, но при этом не изуродованным интеллектом. Показав удостоверение, подтверждающее его личность и должность, следователь придвинул стул к моей кровати и, достав большой блокнот с ручкой, начал меня допрашивать:

– Ваша фамилия, имя, отчество.

– Илюшина Татьяна Павловна, – ответила я, не на шутку перепугавшись. – А что произошло?

– Вы обвиняетесь в убийстве.

– Что-о-о? Кого? – не поверив своим ушам, спросила я. – Кто-то из моих пациентов умер?

– Не валяйте дурочку, – грубо ответил Никишкин. – Где вы были в прошлую субботу с 21-го до 24-х часов?

– До девяти вечера была у своего знакомого, Бориса Львовича, в антикварном магазине, – ответила я, недолго думая, так как очень хорошо запомнила тот вечер. – А потом пошла домой.

– А что вы так поздно делали в антикварном магазине? Ведь по субботам магазин работает до 16.00.

– Была в гостях у Бориса Львовича. Он большую часть жизни проводит в своём кабинете; можно сказать, живёт в нём.

– Кто это может подтвердить? – спросил он, продолжая записывать мои показания в свой блокнот.

– Он сам.

– Он вряд ли сможет это сделать.

– Это почему же?

– Потому, что убит.

– Этого не может быть! – воскликнула я, не веря своим ушам. – Когда я уходила, Борис Львович был в полном здравии.

– Откуда вам так точно известно время вашего ухода от него? – продолжал бесстрастно допрашивать следователь.

– Кукушка прокуковала 9-ть раз, – ответила я упавшим голосом.

– Какая ещё кукушка?

– В настенных часах. Она всегда напоминала мне, что пора уходить. Как это произошло?

– Хотелось бы от вас услышать подробности.

– Я ничего не знаю.

– С какой целью вы приходили к директору антикварного магазина? – продолжил допрос Никишкин.

– Он сам меня пригласил. Хотел просто повидаться (мы с ним давние знакомые), а заодно и со своей новой помощницей познакомиться. Послушайте, а какое это имеет отношение к убийству?

– Здесь я задаю вопросы, а вы отвечаете, – произнёс он, по-моему, самую банальную фразу, без которой не обходится ни один следователь.

– Если это для вас так важно, его помощница Зина может подтвердить мои слова.

– Она уже дала показания. Только Зина ушла из магазина около половины девятого, а вы остались. Это так?

– Да. Всё так и было.

– С какой целью вы задержались у жертвы?

– Чтобы проконсультироваться по поводу одной вещи. Мне не хотелось это делать при посторонних людях. Кстати, эта вещь осталась у Бориса Львовича. Он обещал на следующий день показать её знакомому ювелиру.

– Что за вещь?

– Серёжка в виде виноградной грозди, увитой змеёй.

– Вот. Уже теплее, – удовлетворённо произнёс следователь, будто получил важную для следствия информацию. – Так и запишем: пришла, чтобы сдать на продажу антикварную вещь.

– Я так не говорила, товарищ следователь. Прошу не искажать моих слов. Я сказала, что была приглашена Борисом Львовичем в гости, а заодно решила проконсультироваться по поводу семейной реликвии. Предлагать её на продажу совершенно не входило в мои планы.

– Кстати, не припоминаю такой вещицы в описи предметов антикварного магазина.

– Скорее всего, она осталась в сейфе Бориса Львовича, – с надеждой предположила я.

– Там тоже ничего подобного обнаружено не было. А кстати, почему вы вдруг решили проконсультироваться с антикваром по поводу этой вещи? – поинтересовался следователь.

– Нашла в шкатулке старинную серёжку, которая когда-то принадлежала моей прабабушке, и решила поинтересоваться, представляет ли она какую-нибудь ценность, – ответила я, подумав, если сейчас буду рассказывать историю реликвии со всеми подробностями, то углублюсь в такие дебри, из которых едва ли смогу выбраться.

– И что он вам ответил?

– Что серёжка не представляет особой ценности, но он покажет её на всякий случай своему приятелю-ювелиру.

– Как зовут этого ювелира?

– Я не спрашивала.

– Допустим, вы ушли от антиквара в девять часов вечера, – продолжал Никишкин. – Куда вы пошли потом?

– Я же вам уже говорила – домой.

– Может быть, вас кто-то из знакомых видел по дороге?

– Вряд ли. Во всяком случае, я никого не встречала.

– Каким видом транспорта вы добирались?

– Пешком.

– Насколько мне известно, вы живёте за Двиной.

– Да.

– В тот вечер и всю ночь шёл сильный дождь. И вы хотите сказать, что пошли домой, на окраину города, да ещё в непогоду, пешком, в то время, когда ещё ходил общественный транспорт? Я уже не говорю о том, что можно было вызвать такси.

– Именно поэтому я и заболела.

– Тем более непонятно, почему вы пошли пешком в такую непогоду, рискуя заболеть.

– Хотела привести свои мысли в порядок.

– Значит, вы были чем-то огорчены?

– Вам не кажется, что моё душевное состояние вас не касается.

– Ещё как касается, голубушка. Вы даже не представляете себе, как касается, – обрадовался он и стал что-то записывать в свой блокнот. – Я же понимаю, вы ведь не какая-нибудь закоренелая преступница, притом представительница благородной профессии, призванная спасать людей, а не убивать. Убить человека – это не хухры-мухры. Есть над чем задуматься.

– Что вы такое говорите? Я никого не убивала. Да и мотива у меня не было. Борис Львович был очень близким мне человеком, – ответила я и зарыдала, не в силах больше сдерживать своих эмоций.

– Видали мы таких артисток, – произнёс Никишкин. – Совершат преступление, а потом прикидываются невинными овечками. Только овцы оказываются в волчьей шкуре.

– Кто вам дал право меня оскорблять? – взяв себя в руки, выпалила я.

– Никто вас не оскорбляет. Я всего лишь подозреваю вас в убийстве. Во-первых, у вас нет алиби, во-вторых, вы – последняя, кто видел жертву живой. А что касается мотива, был бы человек, а мотив найдётся, – криво усмехнувшись, ответил Никишкин. – Если ещё обнаружатся ваши отпечатки пальцев в квартире жертвы, вам светит как минимум пятнашка.

– Можете даже не сомневаться. Они там обнаружатся. Ведь я была в гостях у Бориса Львовича. Вам не кажется, что настоящий убийца непременно позаботился бы о том, чтобы их там не было! – крикнула я ему вдогонку, когда следователь уже выходил из палаты.

– Как только позволит ваше состояние, встретимся в КПЗ, – произнёс он с иезуитской улыбкой, обернувшись, не обратив на мои слова ни малейшего внимания.

У меня взяли отпечатки пальцев, а к наружной двери палаты приставили милиционера. Я отказывалась верить своим глазам и ушам. Мне казалось, что всё это происходит не со мной. Вечером зашёл Рихтер.

– Татьяна Павловна, что здесь происходит? – озабоченно спросил он. – От кого вас охраняют?

– Это общество охраняют от меня, – ответила я и опять разрыдалась.

– Ничего не понимаю. Расскажите всё по порядку.

– Меня обвиняют в убийстве Бориса Львовича, – всхлипывая, произнесла я.

– Что-о? Борис Львович убит?

– Да, – ответила я, продолжая рыдать ещё громче.

– Татьяна Павловна, успокойтесь. Прошу вас, – сказал он, прислонив мою голову к своей груди, и начал ласково гладить волосы и вытирать слёзы, текущие непрерывным потоком из моих глаз, своим носовым платком.

Почувствовав себя защищённой в его объятиях, я быстро взяла себя в руки.

– Понимаете, насколько я поняла со слов следователя, Борис Львович был убит с субботы на воскресенье, как раз в то время, когда я возвращалась от него домой, оказавшись последним человеком, видевшим его живым, и у меня нет алиби на это время.

– Можете не беспокоиться на этот счёт. Алиби я вам обеспечу – скажу, что в это время вы были со мной.

– Нет, Александр Ромуальдович. Вас могут привлечь за дачу ложных показаний. Я не могу этого допустить, тем более это ничего не даст. Кроме того, что я вам перечислила, на бокале, да и не только, найдут мои отпечатки пальцев. А если следствие узнает о назначенном на понедельник нашем бракосочетании, ваши показания не только не примут во внимание, но и вас могут заподозрить в соучастии в убийстве. Представляете, какой ажиотаж будет в больнице? Вы сможете помочь мне, только если будете находиться вне всяких подозрений.

– Наверное, вы правы, – согласился шеф. – А для чего вы ходили к Борису Львовичу?

– Он сам меня пригласил. Хотел познакомить со своей новой помощницей, Зиной. Заодно и серёжку не терпелось ему показать. Кстати, чёрного бриллианта в ней не оказалось.

– О чём это вы? – искренне удивился шеф.

– Родовое проклятие на самом деле связано не с серёжкой, а с чёрным бриллиантом, в которой он находился, – ответила я со вздохом, поняв, что Рихтер не мог об этом знать.

– Так, может быть, и не было никого чёрного бриллианта?

– Был. Борис Львович сказал, что камень был подменён, но кем и когда – теперь уже никто не узнает, тем более что серёжка исчезла.

– Как исчезла? Вы разве не забрали её с собой?

– Борис Львович попросил оставить её до утра, чтобы проконсультироваться с ювелиром, у которого вы заказывали кулон. Может быть, он и есть убийца.

– На меня Евгений Борисович произвёл очень благоприятное впечатление. Я уверен, что он не мог этого сделать. И потом, я не вижу мотива для совершения такого злодеяния.

– Насколько мне известно из литературных источников, самые чудовищные преступления совершают как раз люди с незапятнанной репутацией. А что касается мотива, он совершенно очевиден – на свете не так уж много людей, способных устоять перед соблазном завладеть такой ценностью, а тем более ювелиров. Вы знаете, где он живёт? Я должна сейчас же поговорить с ним.

– Вы с ума сошли! У вас постельный режим. К тому же я не знаю его адреса. Мы встречались дважды и оба раза у Бориса Львовича – когда он заходил за эскизами его отца, чтобы изготовить кулон, и при получении мною заказа, хотя, думаю, для следствия не составит труда его узнать. Танечка, а вы говорили следователю, что на жизнь Бориса Львовича уже совершалось покушение? – спросил Рихтер.

– Нет. Я настолько была шокирована известием о его убийстве и тем, что меня подозревают в нём, что совершенно забыла об этом происшествии. Бедный Борис Львович! Не могу представить, что его больше нет, – произнесла я, всхлипывая, и слёзы невольно снова покатались из моих глаз.

– Слезами горю не поможешь. Нужно хорошо обдумать, кто мог вас подставить. А что представляет собой его помощника?

– Я видела её только один раз. На меня она произвела приятное впечатление.

– Так, Татьяна Павловна, прекращайте рыдать, – строгим голосом сказал шеф. – У меня есть знакомый адвокат. Я сегодня же с ним свяжусь. А сейчас вы должны лечь в кровать и постараться уснуть. Попрошу дежурную сестру дать вам снотворное.

– Спасибо, Александр Ромуальдович!

– До завтра! – сказал шеф, улыбнувшись. – И ни о чём не беспокойтесь. Всё будет хорошо! Я вам это обещаю.

Поняв, что моя выдуманная командировка в Ленинград может задержаться на неопределённое время, я позвонила с сестринского поста родителям, чтобы предупредить об этом.

«Недаром говорят: „От сумы и от тюрьмы не зарекайся“. Кто же всё-таки мог меня так подставить? О том, что я собиралась показать Борису Львовичу очень дорогую антикварную вещь, никому не было известно. Единственным человеком, которому антиквар хотел показать её, был ювелир. Кстати, Зина могла подслушать наш с ним разговор, притаившись за одной из колонн, вернуться в магазин после моего ухода под любым предлогом, убить его, забрать серёжку и спокойно уйти. Неспроста она так быстро засобиралась домой. Кстати, нужно узнать, как был убит Борис Львович и была ли дверь заперта, когда обнаружили его тело, – рассуждала я, всё ещё не в силах поверить в то, что весь этот кошмар происходит со мной и что именно я нахожусь в центре ужасной детективной истории в статусе подозреваемой. – А может быть, серёжка всё-таки не исчезла? Не мог же следователь запомнить все предметы, находящиеся в описи, после того как магазин был опечатан», – тешила я себя надеждой, направляясь в свою палату, рядом с которой на кресле дремал «бдительный» охранник.

Несмотря на то, что в голове продолжали роиться мысли, сильная усталость и снотворное сделали своё дело – я уснула. Весть о моём незавидном положении быстро разнеслась по больнице. На следующий день ко мне заглянул Кабан.

– Привет, Тыква! Слышал, скоро освободишь для меня место, – сказал он, выкладывая на тумбочку фрукты.

– Да, Кабанчик, даже сухарей не успею засушить, как окажусь в каталажке. Ты уж позаботься об этом. Надеюсь, по старой дружбе будешь передачи носить.

– Всенепременно. Слышал, антиквара какого-то замочила.

– Слухами земля полнится.

– Я серьёзно. Правда, что ли?

– Лёха, тебе так не терпится занять моё место, что ты всяким бредням готов поверить?

– А чё тогда этот хмырь за дверью делает?

– Как чё? Меня охраняет.

– А чё тебя охранять?

– Чтобы не выкрали или не добили на месте. Меня же убить хотели.

– Да кому ты нужна, чтобы тебя убивать. Говорят, это ты кого-то грохнула, – разразился хохотом Кабан.

– Вот чудак-человек. Ты сам-то хоть в это веришь? Трудно, что ли, догадаться, что это легенда? – входя в раж, серьёзно произнесла я.

– Да иди ты! Хватит меня разыгрывать.

– Хочешь верь, хочешь не верь, но я – секретный агент под прикрытием, – продолжала я сочинять небылицы, чтобы хоть немного отвлечься от грустных мыслей, тем более что Кабанчик начал вестись на мои бредни. – Меня готовятся заслат в тюремную больницу, чтобы облачить одного предателя родины, связанного с американской разведкой. Может быть, даже в наручниках отсюда поведут для маскировки. Ой! Я же тебе секрет государственной важности выдала. Что теперь будет? – будто неожиданно спохватившись, вскрикнула я через минуту. – Лёха, я тебя умоляю, никому ни слова. Иначе вся операция будет на грани срыва. Да и тебе не поздоровится, если сболтнёшь что лишнее. КГБ тебя моментально загребёт. Мало не покажется. Так что завязывай свой длинный язык узлом и не развязывай, по крайней мере, до окончания операции... Ладно, Кабан, иди, – уловив страх в его глазах, сказала я. – У меня здесь встреча с шефом контрразведки назначена. Надо получить дальнейшие указания. Для тебя будет лучше, если он тебя здесь не увидит.

– Удачи тебе, Тыква! – нерешительно произнёс Лёха, закрывая за собой дверь.

«При других обстоятельствах я бы смеялась до колик, но, к сожалению, это был не тот случай», – подумала я, с грустью посмотрев на только что закрывшуюся дверь и вспомнив рассказы Пал Палыча о тюремной жизни. Мне живо представилась шконка, кишашая тараканами, клопами и вшами, которую мне предоставят в вонючей камере человек на двадцать, рядом с парашей. От мысли о тех унижениях, которым меня будут подвергать по ложному обвинению, мне стало не по себе. «А какой это будет позор для моих близких! – думала я. – Лучше бы мне оказаться на месте Бориса Львовича».

В этот день Тася с Люсей заглядывали ко мне. Конечно же, они не верили предъявляемым мне обвинениям, но ничем помочь не могли. Я с нетерпением ждала Рихтера, но и он не принёс мне утешительных вестей:

– Танечка, я говорил с адвокатом. У Игоря Абрамовича, как и у любого другого адвоката в нашей стране, к сожалению, очень ограниченные возможности принимать участие в досудебных разбирательствах. Он обещал помочь только советом и поговорить с одним человеком из органов.

– Спасибо и на этом, Александр Ромуальдович! Это уже кое-что. У меня же есть знакомый следователь! – вдруг вспомнила я. – Виктор. Он недавно перевёлся в Ригу из Подмосковья.

- Ваш бывший?
- Он мне никакой не бывший. Виктор – просто мой друг.
- Друг так друг. Сейчас помощь любого друга не помешает.

Постаравшись перевести разговор на другую тему, я начала расспрашивать Рихтера, что нового в отделении.

- Да всё по-старому. Вас только не хватает.
- Свято место не бывает пусто. Куличиков на него давно метит.
- Ну, уж этому не бывать. Ваше место было и останется за вами, Татьяна Павловна. Будьте уверены.

Я рассказала шефу, как разыграла Лёху, и даже нашла в себе силы посмеяться вместе с ним. Поговорив ещё с полчаса, мы распрощались. Улучив момент, когда дежурная сестра покинула свой пост, чтобы измерить пациентам вечернюю температуру, позвонила Виктору.

- Слушаю, – ответил знакомый голос.
- Виктор, добрый вечер! Извини, что так поздно.
- Танюша! – воскликнул он. – Я всегда рад тебя слышать. Что-то случилось?
- К сожалению, да. Мне нужна твоя помощь.
- Я тебя внимательно слушаю.
- Это не телефонный разговор. Ты не мог бы приехать ко мне в больницу?
- Сейчас же приду. Ты забыла, что я живу в 10 минутах ходьбы от твоего места работы?

А твой шеф не заревнует?

- Я лежу в терапевтическом отделении с воспалением лёгких.
- Что тебе принести? – озабоченно спросил Виктор.
- Ничего не нужно. У меня всё есть. Захвати только своё служебное удостоверение.

У моих дверей дежурит охранник.

- Тебе кто-то угрожает?
- Нет-нет. Всё расскажу при встрече.
- Хорошо. Буду буквально через 15 минут.

Вскоре в дверях моей палаты появился Виктор с накинутым поверх верхней одежды медицинским халатом. Мы обнялись.

– Я так рад тебя видеть, Танюша! Ну, рассказывай, что у тебя стряслось и почему у дверей охрана, – произнёс он, присаживаясь на стул у прикроватной тумбочки.

– Меня обвиняют ни больше ни меньше, как в убийстве своего знакомого. – И я рассказала ему, как всё было на самом деле, не забыв упомянуть при этом о покушении на жизнь Бориса Львовича 31 декабря прошлого года со всеми подробностями, которые мне были известны.

– Всё это очень странно, – произнёс он, внимательно меня выслушав. – Грабители так не поступают. Да и удар, судя по всему, был нанесён профессионалом.

– Вот и я о том же.

– Надо бы узнать подробности у следователя, который вёл это дело, – задумчиво произнёс Виктор. – А тебе известно, что тогда пропало из магазина?

– В том-то и дело, что ничего. Это мне сам Борис Львович сказал. И, несмотря на оставленные отпечатки пальцев и следы крови на разбитой витрине, преступника так и не нашли.

– Ты говоришь, что двери магазина не были взломаны?

– Совершенно верно.

– Значит, у преступника был свободный доступ в магазин, скорее всего, ключи.

– Дубликат ключей был только у продавца Люси, но её непричастность к этому делу была доказана в ходе следствия.

– Остаётся отмычка. Поскольку преступник шёл на дело, не маскируясь и без оружия, появление твоего знакомого в столь поздний час явилось для него полной неожиданностью. Да ещё сработала сигнализация. Как бы поступил в такой ситуации обычный вор?

– Наверное, постарался бы скрыться с места преступления, захватив с собой пару-тройку антикварных вещей.

– Верно. А как поступил преступник? – задал вопрос Виктор и сам же попытался на него ответить: – Он предпочёл убить антиквара, воспользовавшись антикварным ножом, не побоявшись оставить при этом свои следы на месте преступления. Преступник явно не из криминального мира. Напрашивается вопрос: при каких обстоятельствах он мог так поступить?

Я лишь пожала плечами.

– Только в одном случае – оставить в живых Бориса Львовича для него было опаснее, чем убить. Не исключено, что преступником мог быть респектабельный любитель антиквариата, которого тот мог опознать. Хотя, судя по сноровке и профессиональности удара, возможно, он имеет специальную подготовку.

– Но ведь Борис Львович не узнал его, – возразила я.

– Ты сама говорила, что в магазине было темно. Антиквар вышел из своего кабинета, услышав какой-то шорох. Чтобы включить свет, ему нужно было пройти через весь зал к входной двери, где обычно располагается выключатель. Преступник притаился у витрины. И тонкая полоска света, исходящая из кабинета, не могла её осветить. Тем более что Борис Львович, ослеплённый светом фонаря, сразу же получил удар в грудь.

Остаётся неясным только один вопрос: что нужно было преступнику в антикварном магазине, если он ничего не украл, хотя имел возможность? Для меня очевиден только один ответ – преступник не является грабителем в обычном понимании этого слова и не планировал убийства Бориса Львовича заранее. Скорее всего, его интересовала конкретная вещь, которую антиквар по неизвестным причинам ему не продавал. Возможно, они просто не сошлись в цене. Поэтому преступник и решил взять её, как и герой известного фильма, «без шума и пыли», но неожиданное появление Бориса Львовича смешало его планы.

– Виктор, я просто сражена твоей логикой.

– Спасибо. Мне лестно это слышать от тебя. Пойдём дальше, – с улыбкой сказал он.

– Пойдём.

– Как разворачивались события на этот раз. Сам Борис Львович пригласил тебя в гости. Показать свою семейную реликвию было твоей инициативой. Так?

Я кивнула.

– Ты точно знаешь, что никому не говорила о своих намерениях?

– Совершенно точно. Но Зина могла подслушать наш разговор. – И я рассказала Виктору свою версию относительно Зины.

– Ну, для таких поспешных выводов маловато информации, – сказал он, внимательно выслушав меня. – Во-первых, нужно узнать, есть ли алиби у этой Зины на вечер убийства, во-вторых, была ли закрыта наружная дверь, когда нашли тело убитого, в-третьих, где оно находилось в момент смерти. Кстати, тебе известно, как он был убит?

– Нет, – ответила я растерянно. – Может быть, преступник зарезал его, как и в прошлый раз намеревался?

– В таком случае твою Зину можно сразу вычеркнуть из списка подозреваемых. Танечка, чтобы делать предположения, сначала нужно ознакомиться с обстоятельствами преступления.

– Но Никишкин мне ничего не сказал. Как только в его голове возникла версия, в которой мне отводилась роль убийцы, он тут же выбежал из палаты.

– Никишкин. Никишкин. Знакомая фамилия. Не могу вспомнить. Кажется, слышал о нём что-то не очень лестное. Придётся с ним познакомиться лично.

– На меня он произвёл впечатление бездумного карьериста, который будет держаться за свою версию, как собака за кость. Виктор, как хорошо, что я о тебе вспомнила!

– А я о тебе, Танюша, и не забывал никогда, – произнёс он с грустью.

– Прости, Витя. Я, кажется, что-то не то сказала.

– Ладно. Пойду я. Уже поздно. Можешь спать спокойно.

– Легко сказать. Но всё равно спасибо тебе большое! Ты вселил в меня хоть какую-то надежду.

После ухода Виктора я немного успокоилась, но сомкнуть глаз до самого утра так и не смогла. «Кому мог помешать безобидный старик?» – задавала я себе вопрос. Но никакой другой версии, кроме неудавшегося ограбления, в голову не приходило.

Через три дня, после вечернего обхода, Виктор вновь навестил меня. Я ужасно обрадовалась его визиту.

– Танечка, у меня для тебя хорошие новости, – сказал он с порога. – Для этого, правда, пришлось набиться в друзья к твоему Никишкину, напоить его до полубессознательного состояния, да и самому лишка хватить. До сих пор голова трещит. Зато получил от него очень ценную информацию.

– Как тебе удалось с ним сблизиться? – спросила я, не скрывая своего любопытства.

– Ну, найти его место работы, как ты понимаешь, было совсем несложно. А дальше пришлось применить свои артистические способности.

– Недаром Санёк как-то говорил мне, что думал, скорее ты подашься в артисты, а не Жека. Значит, не шутил.

– Санёк явно переоценил мои артистические способности. Они у меня присутствуют только в той мере, которая необходима представителям моей профессии. В общем, пришлось немного польстить твоему Никишкину. Сказал, что мои коллеги порекомендовали обратиться именно к нему как к одному из самых высококвалифицированных следователей Латвии с просьбой помочь раскрыть одно очень запутанное дело. При этом невзначай намекнул, будто слышал, что он раскрыл убийство антиквара за неделю.

– Могу себе представить, как он был польщён.

– Не то слово. Мне казалось, что от гордости просто лопнет. – Мы засмеялись. – Пришлось сочинить историю, в основе которой был какой-то старый зарубежный детектив, перенесённый в советскую действительность, – продолжал Виктор. – Гена так лихо начал выдвигать свои версии, что я диву давался его изобретательности по придумыванию версий, не подкреплённых фактами.

– Так его, значит, Геной зовут.

– Геннадием Николаевичем, – уточнил Витя, улыбаясь. – Я пригласил его в кафе и по мере увеличения градуса спиртного начал как бы невзначай выведывать обстоятельства убийства твоего знакомого. То, что удалось мне узнать, полностью снимет с тебя всякие подозрения.

– Это почему? – спросила я удивлённо.

– Элементарно, Ватсон. Антиквар был отравлен цианистым калием, который был найден в бутылке с вином, а это, как тебе должно быть известно, быстродействующий яд. Дверь магазина была заперта снаружи, а ключей от магазина у тебя не было. Или были? – обратился Виктор ко мне.

– Откуда? Нет, конечно, – ответила я, удивившись заданному вопросу.

– Следовательно, ты её закрыть не могла. Тело было найдено в кабинете. Это значит, при любом раскладе сам антиквар, будучи отравленным, не успел бы закрыть за тобой дверь, а потом вернуться в свой кабинет. Значит, это сделал тот, у кого были ключи. И потом, с мотивом несостыковочка получается. Чтобы отравить человека, нужно, во-первых, иметь для этого веские основания, а во-вторых, заранее готовиться к убийству. Не мог же яд взяться у тебя

из ниоткуда. А из показаний Зины Борис Львович сам пригласил тебя в гости. При этом вы находились в дружеских отношениях. Так что, Танюша, сделаем мы твоего Никишкина. Его мог отравить человек, имеющий свободный доступ в магазин. Единственным таким человеком на данный момент может быть только Зина, на что я ему и намекнул.

– Я же тебе говорила, – оживилась я. – Только ума не приложу, как яд мог оказаться в бутылке с вином. Мы же втроём его пили, но никто, кроме Бориса Львовича, не отравился.

– Зина могла прийти после тебя и подсыпать яд в бутылку. Правда, у неё оказалось сто-процентное алиби – с 21.00 до 24.00 несколько человек видели её в «Аллегро» с молодым человеком, а потом они всю ночь провели вместе, что её любовник и подтвердил.

– Такое алиби можно легко сфабриковать, – возразила я, вспомнив, как Рихтер предлагал обеспечить меня подобным же.

– Как бы там ни было, её не удастся привлечь к ответственности. Я, конечно, как бы между прочим намекнул Никишкину, что в суде его версия относительно тебя рассыплется в пух и прах, приведя убедительные доказательства. Но он был настолько пьян, что я не уверен, принял ли Геннадий Николаевич мою информацию к сведению.

– Вить, а насчёт серёжки удалось что-то узнать?

– Спросил. В описи такая вещь не числится.

– Значит, её украли, – разочарованно констатировала я.

– Может быть, кто-то из нечистых на руку сыскарей прихватил?

– А нельзя устроить обыск на квартире у Зины?

– Подозрение в подслушивании разговора, Танюша, – слабоватое основание для получения санкции прокурора на обыск. А ты знаешь, какая мысль пришла мне в голову? – через минуту спросил он.

Я отрицательно покачала головой.

– А не твоя ли серёжка явилась причиной неудавшегося покушения на жизнь антиквара в первый раз и его успешного завершения во второй?

– Виктор, мне кажется, ты стал уподобляться Никишкину – высасываешь версии из пальца.

– Все нет. Ты подумай хорошенько. Может быть, ты кому-нибудь рассказывала о ней в кругу своих знакомых и друзей?

– О той, которая пропала, точно нет, тем более что она у меня появилась недавно. Так что с первым покушением на жизнь Бориса Львовича никак не могла быть связана, – уверенно ответила я.

– А что, была ещё и другая?

– Она и сейчас у меня находится. Незадолго до первого нападения на антиквара эту серёжку, которая была лишь дуплетом настоящей, я изобразила на своём натюрморте, и её узнал Пётр Николаевич, мой преподаватель рисования. Ты видел его на Саниной свадьбе. Он – давний друг его бабушки.

– Припоминаю. Седовласый такой представительный мужчина.

– Совершенно верно. Так вот, Пётр Николаевич вспомнил, что видел точно такую же на портрете одной дамы, висевшем у его приятеля дома. Представляешь, кем она оказалась?

Виктор отрицательно покачал головой.

– Моей прабабушкой. А приятель Петра Николаевича – моим двоюродным дядей. Так, благодаря своему натюрморту я собственными глазами увидела её портрет, будучи у него в гостях. – И я рассказала Виктору всё, что знала о прабабушкином гарнитуре, умолчав только о чёрном бриллианте. – Кстати, примерно в то же время пропал и мой натюрморт – прямо из выставочного зала.

– Вот так история! – искренне удивился Виктор. – Выходит, Пётр Николаевич и твой дядюшка знали о гарнитуре, а также о том, что он стоит целое состояние, и о том, что одна из серёжек находится у тебя?

– Её дуплет, – поправила я. – Разумеется. Они ещё попросили показать его, возможно, для того, чтобы убедиться, на самом ли деле я являюсь родственницей Сергея Ивановича.

– Так. Круг подозреваемых расширяется.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Только то, что сказал.

– Ты что, их подозреваешь?

– Танечка, как это ни звучит банально, подозревать – неотъемлемая часть моей профессии.

– Можешь сразу же сузить свой круг до одной Зиночки. Они оба прекрасно знали, что копия серёжки, изготовленная отцом антиквара по просьбе моей прабабушки, не представляет никакой ценности. Я сама им об этом сказала. Постой! – через минуту воскликнула я. – За несколько дней до покушения на Бориса Львовича, он звонил мне и просил ещё раз принести дуплет. Может быть, действительно твоя версия о том, что кто-то гоняется за моей серёжкой не лишена основания?

– И ты принесла?

– Не успела.

– А Пётр Николаевич с твоим дядюшкой знали об этом?

– Думаю, нет. Не припоминаю, чтобы я им говорила о просьбе Бориса Львовича.

К тому же, в момент покушения на него серёжка находилась у меня.

– Как раз об этом они могли и не знать. Ты ведь об этом им не докладывала?

– Нет. Ну сам подумай, для чего им нужна была эта безделушка? Я ещё могу понять, что ради той, которую украли, могли убить человека, но её копия вряд ли могла кого-то заинтересовать, разве что меня как память о прабабушке.

– Кто знает, кто знает... – задумчиво произнёс Виктор.

– Неужели ты думаешь, что эти два человека или один из них могли быть причастны к убийству? Петра Николаевича ты знаешь. Он всю войну прошёл, получил тяжёлое ранение. Поэтому-то ему и пришлось поменять профессию. А что касается моего родственника, так это интеллигентнейший человек, профессор, преподаватель Академии художеств. Он и мухи не обидит. Как он сам как-то говорил мне: «Я живу искусством и в искусстве». Кроме того, если бы ты видел его, у тебя даже мысли бы такой не закралось. Мне кажется, весь материал, отпущенный на создание моего двоюродного дяди, ушёл на строительство его мозга, оставив на тело только одну треть.

– Если бы ты знала, Танюша, какими матёрыми преступниками могут оказаться на вид благочестивые люди, ты бы так сейчас не рассуждала.

– Но мой дядюшка вообще не был знаком с Борисом Львовичем, а Пётр Николаевич видел его только один раз на выставке, когда тот пришёл поздравить меня.

– Если Пётр Николаевич виделся с антикваром, – продолжал рассуждать Виктор. – Тот вполне мог узнать его. Поэтому-то твой знакомый и предпочёл убить Бориса Львовича, тем более, что в прошлом был профессиональным военным.

– Но он – бывший танкист, а не спецназовец, к тому же пожилой человек. Вряд ли он бы мог нанести такой удар.

– Он ещё вполне крепкий мужчина. А вот отравить антиквара вполне мог и твой тщедушный дядюшка.

– Ты же сам говорил, что человек, покушавшийся на жизнь антиквара, должен иметь свободный доступ в магазин. А у них его не было. Да и мотива – тоже. Я же тебе говорила, что

настоящая серёжка появилась у меня недавно, и о ней, кроме Рихтера, никто не знал. Только Зина могла подслушать наш разговор с антикваром.

Кстати, кроме обогащения за счёт украденной серёжки у неё есть ещё один мотив – получить место директора антикварного магазина, – продолжала я настаивать на своей версии. – Да и ключи только у неё имеются. Ты меня вообще слушаешь?

– Я тебя внимательно слушаю, – ответил Виктор на автомате, глубоко уйдя в свои мысли. Так что мне пришлось щёлкнуть перед его глазами пальцами, чтобы вывести из состояния задумчивости. – Подозрения к делу не пришьёшь. Нужны доказательства, – наконец произнёс он. – Что бы ты там ни говорила, а связь между этими покушениями на жизнь антиквара есть. Я интуитивно это чувствую.

– Но интуицию тоже к делу не пришьёшь, – парировала я.

– Во всяком случае, Танюша, мы должны проверить все версии. Тем более и с твоей души свалится тяжёлый камень, если моя версия не подтвердится. Поэтому хочу тебя попросить достать какие-нибудь предметы с отпечатками пальцев этих людей. Нужно сравнить их с теми, что были найдены на месте преступления.

– Как ты себе это представляешь, если я практически под арестом?

– Надеюсь, до ареста дело не дойдёт. Когда тебя выпишут домой, постарайся навестить своего знакомого и родственника и незаметно взять любые предметы, до которых они дотрагивались. Да хоть чайную ложечку. Ты что, детективов не читала?

– Хорошо. Я это сделаю только для того, чтобы их реабилитировать, потому что уверена в их невиновности. Кстати, – вспомнила я, – они оба обещали навестить меня в больнице.

– Вот и прекрасно! Наверняка принесут тебе что-нибудь из гостинцев. Завернёшь в бумажную салфетку и дашь мне знать.

Я согласно кивнула головой.

На следующий день меня навестили Пётр Николаевич с Верой Ивановной, а через день и Сергей Иванович. К этому времени я сдружилась с одним из моих охранников, Иваном, презентовав ему бутылку коньяка, и попросила во время визита ко мне гостей не маячить у дверей моей палаты, чтобы не привлекать внимание. Он любезно согласился, тем более ему, кажется, приглянулась одна из медсестёр, и Ваня с большим удовольствием любезничал с ней во время их совместного дежурства.

Я сделала всё так, как велел мне Виктор, и с нетерпением ждала результата дактилоскопической экспертизы. Через несколько дней он сообщил мне, что отпечатки пальцев моего дядюшки и Петра Николаевича не совпали с теми, что были обнаружены на рукоятке ножа, которым пытались зарезать Бориса Львовича, и на разбитой витрине. Я вздохнула с облегчением.

– Но ты не радуйся раньше времени, – тут же внёс смятение в мою душу Виктор. – Преступник мог быть в перчатках. Кроме того, по данным из амбулаторной карты твоего дядюшки его группа крови совпала с группой крови преступника.

Шеф со своей стороны тоже не сидел сложа руки, подняв на ноги всех своих знакомых, которые хоть каким-то боком были связаны с органами юстиции.

В конце третьей недели с момента моей госпитализации ко мне наведалься Никишкин. Спеси в нём явно поубавилось.

– Можете пока быть свободны.

– Почему пока?

– Здесь... – Очевидно, он собирался произнести свою излюбленную фразу о том, кто здесь задаёт вопросы, но, вовремя сообразив, что в данном случае она будет неуместной, продолжил, откашлявшись: – За недостаточностью улик. Распишитесь здесь и здесь, – обратился он ко мне, ткнув пальцем в обозначенные «птичками» места в протоколах, подавая мне

ручку. – Вы что, даже читать не будете? – спросил он, видя, что я собираюсь расписываться, не читая их.

– Нет. Мне вполне достаточно ваших слов, – решила я ему польстить. – Спасибо вам, товарищ следователь, за то, что во всём разобрались!

– Да, в общем-то, не за что, – смутившись, произнёс Никишкин смягчившимся голосом и на всякий случай добавил: – Один из этих документов – подписка о невыезде. Так что имейте это в виду.

Глава 4. Зина

Я ещё не чувствовала себя здоровой: сохранялся кашель и субфебрильная температура, но была счастлива от одной лишь мысли, что мне не грозит больше тюрьма. Правда, радость от её осознания оказалось недолгой и постепенно начала омрачаться горечью от утраты близкого мне человека и чувством вины за его смерть. Мысль о том, что Борис Львович поплатился жизнью из-за моей серёжки не давала мне покоя. «И зачем я только взяла её с собой? Да и для меня, наверное, лучше было бы не знать, что в ней нет этого злосчастного бриллианта, – думала я. – Столько душевных сил и терзаний было потрачено на то, чтобы сдерживать свои чувства и эмоции, и теперь, когда, наконец, я осмелилась выпустить джина из бутылки, запихнуть которого обратно мне уже вряд ли удастся, опять оказалась в нулевой точке отсчёта».

В голову пришла мысль о том, что сценарий драмы, в которой я была главным действующим лицом, если, конечно, не считать жертвы, был уже давно кем-то написан. И этот кто-то вынуждал меня продолжать играть свою роль согласно сюжету. Будучи утомлённой событиями последних дней, душевными переживаниями и болезнью, не заметила, как уснула.

Проснувшись от приятного чувства прикосновения чьей-то тёплой ладони к моим волосам, увидела перед собой Рихтера. И опять тёплая волна блаженства накрыла меня.

– Молчите, Татьяна Павловна. Я всё знаю, – сказал он, ласково глядя в мои глаза.

– Какое счастье, что вы всё понимаете без слов!

– Можете не сомневаться в этом, – произнёс он, улыбнувшись уголками глаз.

Через неделю я окончательно окрепла и была выписана на амбулаторное лечение. После работы Рихтер лично отвёз меня домой.

– Может быть, я могу вам предложить чай или кофе? – спросила я, высаживаясь из машины.

– Спасибо, Танечка! Как-нибудь в другой раз, – ответил он. – Вам есть о чём подумать. А я умею ждать.

Он только помог донести мои вещи до дверей квартиры и тут же умчался.

Сообщив родителям о благополучном возвращении из Ленинграда по телефону, попыталась воспользоваться своим порталом в другой мир, но, как и в прошлый раз, мне это не удалось. «Неужели связь с прабабушкой прервалась для меня навсегда?» – с горечью подумала я, ощутив при этом страх человека, заблудившегося в дремучем лесу. Постепенно мои мысли вернулись к неутешительной действительности: «Надо бы узнать, где похоронили Бориса Львовича, и навестить его могилу».

Как мне стало известно, он был похоронен на Шмерльском кладбище. Как только позволило моё состояние, я направилась туда, купив по дороге цветы. Хотя в то время умерших рижан хоронили там, независимо от их национальной принадлежности, вперемежку, многие могилы представителей еврейской национальности отличались от остальных – на них было много камней и мало цветов.

Как я узнала значительно позднее, это было еврейской традицией, уходящей своими корнями в глубокую древность, и, наконец, поняла значение выражения «время разбрасывать камни и время собирать камни».

Подходя к могиле Бориса Львовича, заметила знакомую фигуру в длинном чёрном пальто и такой же шляпе с широкими полями. Это была Зина.

Я притаилась за одним из памятников. Зина нагнулась над могилой, покрытой пожухлой листвой, на которой лежала кучка небольших камешков, чтобы возложить цветы согласно христианской традиции. Её губы шевелились, а по щекам текли слёзы. «Вот стерва! – подумала я. – Убила человека, а теперь прощения просит за своё злодеяние. Думает, Бог простит ей этот смертный грех». У меня всё клокотало в груди от негодования и ненависти к этой злодейке.

Да как она вообще посмела сюда прийти, да ещё и свои крокодиловы слёзы проливать?! Хотелось подойти и высказать всё ей прямо в лицо. Еле сдерживая свою ярость, я всё-таки решила переждать, пока она уйдёт, чтобы спокойно попрощаться с близким мне человеком.

Попытавшись уйти на более безопасное расстояние, я нечаянно наступила на сухую ветку, которая, как назло, треснула подо мной. Зина обернулась. Мне показалось, что её лицо исказилось злобой.

– Недаром говорят, что убийцы часто приходят на могилы своих жертв! – выкрикнула она. – Странно, почему ты ещё на свободе.

– А я думаю, это по тебе тюрьма давно плачет, – сначала опешив, а потом чуть не задохнувшись от такой наглости и цинизма, парировала я. – Да как ты вообще посмела сюда прийти!? Ты не только убийца! Ты ещё и воровка! – вообще-то не имея привычки называть малознакомых мне людей на «ты», кричала я, подумав, что этот человек не заслуживает уважительного к себе отношения. – Да таких, как ты, на пушечный выстрел нельзя подпускать к антикварному или ювелирному магазину. Как только Борис Львович не раскусил тебя во время, пригред змею на своей груди!? – продолжала я кричать, с воинственным видом приближаясь к Зине, теряя при этом контроль над собой и давая, наконец, возможность душившей меня ненависти выплеснуться наружу. В этот момент мне казалось, что сейчас я вцеплюсь в её волосы, а её широкополюю шляпу растопчу прямо на могиле.

– Что-о-о?! – возмущённо кричала Зина, наступая на меня со сжатыми кулаками. – Ты на что это намекаешь? Да из магазина не пропала ни одна вещь.

– Кроме одной, самой ценной! – выкрикнула я, когда мы сблизились настолько, что могли вступить с ней в рукопашный бой.

– Что ты имеешь в виду?! – продолжала она кричать, но в её глазах мне показалось искреннее недоумение.

– А то ты не знаешь! Свою серёжку с драгоценными камнями!

– Какую ещё серёжку? – спросила она, сбавляя тон и наморщив лоб, будто пыталась о чём-то вспомнить. – К твоему сведению, все вещи, находящиеся в магазине, были описаны и недостачи не было обнаружено.

– Она могла находиться в сейфе Бориса Львовича.

– Во-первых, у меня нет доступа к сейфу, а во-вторых, насколько мне известно, из него ничего не пропало, – уже более миролюбивым голосом ответила Зина.

Похоже, она говорила правду. Выпустив пар, мы обе замолчали и, не сговариваясь, сели на старую деревянную скамейку с облупившейся краской, стоявшую на соседней могиле. Каждый в течение нескольких минут прокручивал в своей голове подробности того трагического вечера с учётом вновь открывшихся обстоятельств.

Неожиданно для себя самой я поверила словам Зины. Положив цветы на могилу Бориса Львовича, мысленно попрощавшись с ним и попросив прощение, я предложила ей продолжить наш разговор в кафе, расположенном неподалёку. Она согласилась.

Взглянув на себя в зеркало, висевшее в туалетной комнате, я подумала, что похожа на нахохлившегося воробья – волосы были всклокочены, а со щёк ещё не сошёл густой румянец, свидетельствующий о только что пробушевавшем в моей душе эмоциональном урагане. Зина выглядела не лучше – туш растеклась по щекам, шляпа сбилась набок. «Почистив перышки», мы направились в зал.

– Надо помянуть Бориса Львовича, – сказала я, усаживаясь с Зиной за свободный столик. Она согласно кивнула. Мы заказали по 50-ть граммов водки и закусу.

– Хороший был человек. Мне ещё ни с кем не было так комфортно работать, как с ним. Светлая ему память! – произнесла моя подруга по несчастью с глубоким вздохом, поднимая рюмку.

– Пусть земля ему будет пухом! – подхватила я, вспомнив слова Галины Семёновны, произнесённые в подобной ситуации, и как происходило моё первое знакомство с алкоголем. Чтобы немного разрядить напряжённую обстановку, я рассказала Зине эту забавную историю. Мы обе усмехнулись.

– А что, ты говоришь, у тебя пропало? – спросила она.

Я подробно описала, как выглядела серёжка.

– Даже не слышала о такой, не то что никогда не видела, – ответила Зина. – Знаешь, сколько мне всяких побрякушек от родителей досталось? Тебе и не снилось. Дед до революции ломбардом владел. У него столько всякого добра осталось, когда с приходом в их губернию советской власти пришлось срочно сворачивать своё дело и бежать куда глаза глядят. Все эти безделушки интересуют меня только в профессиональном смысле. Для меня гораздо важнее другие ценности, которые пока что мне недоступны.

– Тем не менее она пропала. Эта вещь была семейной реликвией, доставшейся мне от прабабушки, очень дорогой для меня отнюдь не в смысле её стоимости. В тот вечер я принесла серёжку в магазин, чтобы показать Борису Львовичу, – сказала я, умолчав почему-то о чёрном бриллианте. – Его отец когда-то делал дуплет со второй, точно такой же, по заказу моей прабабушки. Но это длинная история и очень романтичная. Может быть, как-нибудь расскажу тебе её. Так что твои подозрения в отношении меня совершенно беспочвенны. К тому же Борис Львович был очень дорогим для меня человеком. – И я рассказала Зине и про жемчужные бусы, и про натюрморт, и про длинные зимние вечера, которые мы коротали вместе у камина, и про механическую кукушку, которая всё время напоминала мне, что пора уходить, когда я засиживалась в гостях допоздна.

– Да это всё Никишкин. Так убедительно выстроил свою версию, что я поверила. А ты кому-нибудь рассказывала о своих намерениях показать свою семейную реликвию Борису Львовичу?

– В том-то и дело, что никому.

– Тогда почему ты решила, что я могла об этом знать?

– Думала, что ты могла подслушать наш разговор, отравить Бориса Львовича и, выкрыв серёжку, покинуть магазин, закрыв двери своим ключом. К тому же после нашего с ним разговора ты так внезапно ушла, что уже тогда мне показалось это подозрительным.

– Просто спешила на свидание. И у меня на время убийства Бориса Львовича, к твоему сведению, есть алиби, – с вызовом ответила Зина.

– Такое алиби можно было легко сфабриковать. Вы вообще могли оказаться со своим знакомым сообщниками.

В ответ на мой намёк в её причастности вместе с Владом к убийству Бориса Львовича Зина промолчала. Было впечатление, что она что-то недоговаривает.

Мы заказали ещё по 50 граммов водки, начиная хмелеть.

– А не мог Борис Львович рассказать о твоей серёжке кому-нибудь из своих знакомых, например, по телефону? – поинтересовалась моя собеседница, закуривая сигарету.

– Не знаю, – задумчиво ответила я. – Знаю только, что на следующий день он собирался показать её своему знакомому ювелиру. Не исключено, что они созванивались накануне, чтобы договориться о встрече.

– Вполне возможно. Надо бы узнать, общался ли Борис Львович с кем-нибудь по телефону после 9-ти часов вечера в день убийства.

– Сегодня же позвоню Виктору, знакомому следователю, который помог мне выпутаться из этой ужасной истории. Думаю, он сможет пробить информацию о телефонных разговорах Бориса Львовича, – обрадовалась я, удивившись самой себе, что произнесла эту фразу на милицеском жаргоне.

– А ты знаешь, – вдруг разоткровенничалась Зина, наверное, после выпитого спиртного, крайне удивив меня, – я ведь возвращалась в магазин. Когда начал моросить дождь, решила вернуться, чтобы забрать зонтик, висевший на вешалке у входной двери. Открыв дверь своим ключом, тихонечко вошла внутрь, чтобы не побеспокоить Бориса Львовича. В его кабинете горел свет, и мне показалось, что он разговаривал с каким-то мужчиной. Я взяла свой зонтик и так же тихо вышла. Влад в это время ждал меня снаружи.

– Ты испугалась, что Никишкин заподозрит тебя, и поэтому не сообщила ему о том, что заходила в магазин и слышала мужской голос?

– Да, – ответила она, потупив глаза.

– А ты не подумала о том, что конкретно подставляешь меня, когда говорила следователю, что я последней покидала магазин? – гневно спросила я. – Если бы Борис Львович был отравлен не быстродействующим ядом и дверь магазина не была закрытой, мне бы грозил реальный тюремный срок.

– Вообще-то, я особо не прислушивалась к голосам, – ответила Зина, закашлявшись при этом от сигаретного дыма. – Поэтому Никишкину легко удалось убедить меня в том, что один из них принадлежал тебе, тем более что после моего ухода ты ещё оставалась у Бориса Львовича, а, когда я вернулась за зонтиком, прошло не более получаса.

– Скажи лучше, что тебе просто выгодно было так думать.

– Может быть, – ответила Зина, пожимая плечами. – Но тогда я не задумывалась над этим вопросом. Просто поверила Никишкину на слово, и всё.

«Этот следователь, должно быть, неплохой психолог, – подумала я, вспомнив урок психологии, когда-то преподанный мне Борисом Львовичем, когда одни и те же жемчужные бусы он выдал сначала за некачественный товар, а затем представил как отборный жемчуг, украшавший некогда грудь самой княгини Долгоруковой. – Вот что значит сила убеждения!»

– Но если мы с тобой не причастны к убийству, а ты слышала мужской голос в кабинете Бориса Львовича непосредственно перед его смертью, скорее всего, он и принадлежал убийце. А поскольку человеком, с которым тот собирался встретиться, был ювелир, – продолжала я рассуждать, – с большой долей вероятности можно предположить, что он и убил Бориса Львовича. Кстати, мне известно его имя – Евгений Борисович.

– А я его знаю, – встрепенулась Зина. – Он когда-то работал художником-ювелиром на Ленинградском экспериментальном заводе. Они были с отцом приятелями и часто встречались у нас в ленинградской квартире. В то время Евгений Борисович как один из лучших специалистов в этой области трудился в отделе Главного художника, где создавали уникальные украшения для советской элиты. А мой отец в то время был партийным работником высокого ранга. Они как раз и познакомились тогда, когда папа заказывал у него брошь на мамин день рождения. Евгений Борисович действительно высококлассный специалист в этом деле, потомственный ювелир. Его предок, кажется, дед, учился в знаменитой ювелирной школе Хлебникова ещё до революции.

– Почему ты думаешь, что это именно он? Мало ли ювелиров с таким именем, – удивлённо спросила я.

– Дело в том, что пару раз я видела его в антикварном магазине и он узнал меня. Мы тепло поздоровались. Евгений Борисович и рассказал мне, что несколько лет назад переехал в Ригу. Даже в гости приглашал. Сейчас, скорее всего, трудится на рижской ювелирной фабрике.

– Мой шеф говорил, что у него своя мастерская, – возразила я.

– Вполне допускаю.

– Но у нас в стране, кажется, государственная монополия на изготовление ювелирных изделий.

– Если мне не изменяет память, Евгений Борисович был членом Союза художников и дипломированным ювелиром. К тому же выставял свои работы на выставках. Отец гово-

рил, что эти три условия давали возможность, хоть и с большим трудом, получить лицензию на частную практику. Кроме того, у него заказывали ювелирные украшения многие партийные шишки. Возможно даже, мой отец составил ему протекцию.

– А ты как сама попала в Ригу?

– Первый муж был рижанином.

Через пару часов мы разошлись, будучи подшофе и в полной уверенности в невинности друг друга.

Глава 5. Операция «Ы»

Придя домой, первым делом я позвонила Виктору.

– Витюш, большое спасибо тебе за помощь! – произнесла я, как только услышала его голос в телефонной трубке. – Мне даже страшно представить, что было бы со мной, если бы не ты.

– Не преувеличивай, Танюша. Этот Никишкин не такой уж дурак. Он просто на понт тебя брал, прекрасно понимая, что его версия не выдерживает никакой критики.

– И кто теперь подозреваемый номер один?

– Должен признаться, ты была права.

– Неужели Зиночка? – воскликнула я, не веря своим ушам.

– Она самая. Только что звонил Никишкин поделиться новой версией на правах новопечённого друга, рассказал, что один из оперов обратил внимание на чёткие следы от женской обуви в вестибюле магазина. Они оказались отпечатками рифлёной подошвы Зининых сапожек с частичками земли, которые могли остаться только в том случае, если человек ходил в них по влажной почве. А поскольку дождь начался после твоего ухода от антиквара, он сделал вывод, что Зина возвращалась в магазин после тебя, тем более из показаний уборщицы стало известно, что после его закрытия она, как обычно, помыла полы. Кроме того, у Зины есть ключи от магазина. Так что тебе скорее Никишкина нужно благодарить, а не меня. Теперь он вцепится в твою Зиночку мёртвой хваткой. Можешь не сомневаться.

– Витя, Зина здесь ни при чём.

– Танюш, ты меня удивляешь. Тогда кто же при чём? Ты ведь сама настаивала на этой версии.

– Я ошибалась. Мы встретились сегодня с ней на кладбище. Открылись новые обстоятельства.

– Какие ещё обстоятельства?

– Зина рассказала мне, что действительно заходила в магазин, чтобы взять свой зонтик. И в тот момент слышала, что Борис Львович разговаривал с каким-то мужчиной. А когда наутро нашла его мёртвым, лежащим в неестественной позе недалеко от письменного стола, утаила этот факт от Никишкина, побоявшись, что её могут заподозрить в убийстве.

– Тем хуже для неё.

– Витенька, милый, а не мог бы ты пробить, не звонил ли кто Борису Львовичу в тот несчастный день после девяти вечера? Дело в том, что на следующий день он собирался встретиться со своим знакомым ювелиром. Возможно, они перенесли встречу на вечер предыдущего дня и мужской голос, который слышала Зина, принадлежал этому самому ювелиру. Его зовут Евгением Борисовичем. Ты ведь знаешь, что Никишкин палец о палец не ударит, чтобы найти настоящего убийцу. У него теперь новая, вполне обоснованная версия. Да и мотив у Зины вполне себе убедительный. Я понимаю, что напрягаю тебя. Но может пострадать невиновный человек.

– Ну что ты, Танюша? Ради тебя я готов на всё, – ответил Виктор, как всегда внимательно выслушав меня. – Мне и самому интересно, что же произошло на самом деле.

– Спасибо тебе, Витенька! Ты – настоящий друг! Спокойной ночи!

На следующий день Зину задержали по подозрению в убийстве. Я была уверена в её невиновности, но, как это доказать, не знала. Вечером того же дня позвонил Виктор:

– Танюша, мне кое-что удалось для тебя узнать. В тот вечер действительно был телефонный звонок. Только не из квартиры ювелира, а от Бориса Львовича в его мастерскую. Но как ты понимаешь, это не является доказательством вины Евгения Борисовича. А за 20 минут до этого

звонка кто-то звонил антиквару из телефона-автомата. Я как бы невзначай рассказал об этом Никишкину, но тот даже ухом не повёл.

– Я понимаю, что сам по себе звонок не является уликой. Но ведь какой-то мужчина был в кабинете Бориса Львовича после ухода Зины. Вполне возможно, что это он и был, тем более, как мне известно, его мастерская находится неподалёку от магазина.

– Это Зина тебе сказала, что слышала разговор двух мужчин?

– Да.

– Ну и наивный же ты человек, Танюша. А может быть, она всё это придумала, чтобы пустить следствие по ложному пути, когда узнала, что с тебя сняты все подозрения.

– Зачем тогда ей нужно было рассказывать мне о том, что она была в магазине после меня? Вчера Зина ещё не знала, что Никишкину стало известно о том, что она заходила в магазин после моего ухода, – возразила я.

– Хотела подстраховаться.

– Ничего себе страховка – дать лишний повод для подозрений против себя.

– Танюша, ты ничего не понимаешь в изошрённой психологии преступников.

– Поясни.

– Каким образом она ещё могла дать тебе понять о том, что будто бы слышала разговор двух мужчин, если не заходила в магазин? Зина ведь должна прекрасно понимать, если, конечно, она не полная дура, что теперь реальным подозреваемым может быть только она сама как единственный человек в окружении антиквара, у которого был свободный доступ в магазин, тем более что ты сама дала ей карты в руки, рассказав, почему с тебя было снято обвинение. К тому же её алиби оказалось не столь безупречным. Все факты говорят против неё.

Я призадумалась: «А ведь действительно, всё, о чём говорит Виктор, звучит более чем убедительно. Неужели она? – пронеслось в голове. – В таком случае в этой женщине умерла великая актриса. Нет. Всё-таки я не верю в её виновность», – подумала я, вспомнив глаза Зины, наполненные слезами, и искажённое гневом лицо при моём появлении на кладбище.

– Вить, я уверена, Зина не убивала Бориса Львовича. Там был посторонний человек. А раз так, должны остаться хоть какие-то следы.

– И что ты предлагаешь? Проникнуть в опечатанный магазин и самим попасть в разряд преступников? Ты ведь прекрасно понимаешь, что Никишкин этого делать не будет.

– Витенька, у меня есть одна мысль – окна кабинета Бориса Львовича выходят в глухой дворик с палисадником. Фрамугу одного из них, затянутую изнутри противомоскитной сеткой, он обычно оставлял на несколько часов открытой, чтобы проветрить помещение перед сном. А в этот день было очень душно, парило, как это обычно бывает перед дождём. Не думаю, что Никишкин мог обратить на это внимание, поскольку окна кабинета всегда были зашторены.

– Ты хоть понимаешь, если даже всё, о чём ты говоришь, окажется так на самом деле, через эту фрамугу не влезет не только моя, но и твоя голова?

– Конечно. Зато влезет моя рука, если ты меня подсадишь, я попытаюсь открыть окно изнутри. Мы проникнем в кабинет Бориса Львовича через окно и сможем спокойно поискать улики.

– Танечка, тебе не кажется это нелепой авантюрой?

– Нет, Витюша. Мне кажется, что другого шанса узнать правду у нас просто не будет.

– Танюша, ты знаешь, что ради тебя я готов на многое, даже пойти на смерть, но ты вынуждаешь меня к совершению противоправных действий.

– Витенька, я всё возьму на себя.

– И ты думаешь, я позволю тебе это сделать?

После коротких препирательств мы всё же договорились встретиться в час ночи у антикварного магазина, предварительно замаскировавшись, чтобы случайно не быть узнанными. Я нацепила на себя рыжий парик, забытый как-то сестрой у меня дома, на веки наложила синие

тени, а губы накрашила вульгарной красной помадой. Пришлось даже пожертвовать одной из юбок, превратив её из миди в мини. На голову надела шляпку с вуалью, когда-то позаимствованную у мамы. Труднее всего пришлось с верхней одеждой. Порывшись в старых бабушкиных вещах, хранившихся на антресолях с незапамятных времён, нашла старый плюшевый полушубок, бывший в моде лет 20-ть тому назад, и изрядно поеденную молью муфту, из которой соорудила что-то типа боа, предварительно распоров её и разрезав вдоль на три части. В общем, образ женщины лёгкого поведения, на мой взгляд, мне вполне удался. Во всяком случае, Виктор не сразу узнал меня.

– Ну что, парниша, не желаете ли познакомиться с прекрасной незнакомкой и угостить её бокальчиком вина? – обратилась я к нему, подходя ближе.

– Танюшка, ты, что ли? – узнав меня, видимо, только по голосу, изумлённо произнёс он. – Недаром у тебя сестра – актриса!

– Я! Собственной персоной! А ты, Витенька, как-то слабо замаскировался. Неужели в ваших академиях не обучают искусству перевоплощения?

В своём маскировочном прикиде Виктор походил на простого работягу или таксиста. На нём были тёмные брюки, потёртая кожаная куртка и клетчатая кепка.

– Я-то надеялась, что пройду с уважаемым господином под ручку. Проститутка и работяга неубедительно смотрятся вместе.

– Ну, извини, если не угодил. В наших милицейских академиях обучают искусству ловить преступников, а не перевоплощаться в них, – парировал он, как мне показалось, с некоторой обидой в голосе.

– А как же внедрение в банду, блатная феня?

– Для этого необходима спецподготовка.

– Да ладно, Витюша, шучу. И так сойдёт, – сказала я, переворачивая его кепку козырьком назад. – Так ты больше на блатного похож. И подними воротник куртки, чтобы хоть как-то лицо прикрыть, а то в таком виде тебя любая собака узнает. Хорошо, хоть шарфик повязал, – обрадовалась я, увидев торчавший из-под воротника куртки шерстяной аксессуар. Вытащив его наружу, обмотала им шею Виктора таким образом, чтобы закрыть часть лица. – Совсем другое дело! Теперь тебя родная мать не узнает.

– Ты – опасная женщина, действуешь, как настоящий преступник. Детективов, что ли, начиталась? – сказал Виктор, смеясь.

– Не без этого. Так, Витюша, шутки в сторону. Сыщикам надо иметь... как там Дзержинский говорил?

– Холодную голову, горячее сердце и чистые руки. Правда, он имел в виду чекистов.

– Не важно. Иди за мной. – В этот момент я чувствовала себя хозяйкой положения. – Видишь вон тот скверик за магазином? Туда выходят окна кабинета Бориса Львовича. Обходим его слева. Когда подойдём поближе, подсадишь меня и я попробую через фрамугу открыть окно изнутри.

Каково же было моё разочарование, когда обнаружилось, что фрамуга была закрыта. Весь наш маскарад оказался ни к чему. Думаю, в этот момент Виктор испытал чувство облегчения. Но тогда я об этом не думала. Мы присели на скамейку в сквере.

– Вить, а где сейчас может находиться Зина?

– В КПЗ – камере предварительного заключения.

– А что с ней будет потом?

– Если предъявят обвинение в течение 72-х часов, переведут в СИЗО – следственный изолятор.

– Кошмар! Бедная Зина!

– Танюш, уже поздно. Попробую поймать такси. Ты пока здесь меня подожди. Я быстро. Пока Виктор ловил такси, ко мне подсел какой-то пьяный в хлам мужик.

– За сколько продаёшься, красавица? – спросил он заплетающимся голосом.

– Я не продаюсь. Оставьте меня в покое.

– Оно и видно, шалава. Идём. Здесь недалеко. Хорошо заплачу.

– Что вы себе позволяете? Вы меня не за ту принимаете, – возмущённо ответила я, совершенно забыв, что мой вид красноречиво свидетельствовал об обратном.

Мужик схватил меня за руку и потащил в кусты. Уцепившись одной рукой за сиденье скамейки, я стала громко звать на помощь. Буквально через минуту, которая показалась мне вечностью, появился Виктор. Ударив со всего маха мужика в челюсть, он в одно мгновение вырубил его. Послышался вой сирены милицейской машины.

– Витя, бежим! – крикнула я на ходу, и мы побежали через сквер в направлении набережной.

Забежав в какую-то подворотню, я сорвала с себя парик, стёрла ярко-красную помаду и тени, а боа затолкала в сумку, превратившись из проститутки в старомодную провинциалку. Виктор вернул кепку и шарф в исходное положение, превратившись в среднестатистического советского человека, и мы, взявшись за руки, изображая влюблённую парочку, направились к московскому мосту. О такси можно было забыть.

Мимо проехала милицейская машина, притормозившая метров за сто перед нами. Высунувшийся из неё милиционер, дождавшись, когда мы сравняемся с машиной, спросил, не видели ли мы случайно рыжеволосую проститутку или высокого мужчину плотного телосложения. Мы лишь пожали плечами и отрицательно покачали головами.

Светила полная луна. Дул лёгкий ветерок, гоня пожелтевшую листву. Мы продолжали идти по направлению к моему дому, держась за руки.

– Вот так и в ту трагическую ночь я шла по этому мосту, и встречные машины обливали меня грязью, – сказала я, высвобождая свою руку. – А Борис Львович в это время, по всей вероятности, был уже мёртв.

Виктор притянул меня к себе, пытаясь поцеловать, но я поджала губы, не позволив ему это сделать.

– Витенька, прости! Но я люблю другого человека. Наверное, выгляжу в твоих глазах просто свиньёй. Ты столько для меня сделал!

– Ну что ты, Танюша! Я и впредь буду делать для тебя всё, что только будет в моих силах, – с грустью в голосе ответил он.

Встав на цыпочки, я поцеловала его в щеку.

– Ты – настоящий друг! Спасибо тебе за всё!

Почти до самого моего дома мы шли молча. Увидев припаркованные недалеко от моего подъезда знакомые жигули, я схватила своего спутника за рукав, чтобы остановить.

– Витя, я пропала! Это машина моего шефа.

– Понятно. Опять тебя надо спасать. Попробую его отвлечь. А ты за это время быстро шмыгнёшь в дверь. Только свет в квартире не вздумай включать, пока он не уедет. Утром скажешь, что крепко спала, не слышала звонка в дверь. Не будет же он торчать здесь до утра.

– А что, если будет?

– Тогда передвигайся на ощупь до утра.

– Витенька, что бы я без тебя делала? Прости меня!

– Сам виноват, что поддался на твою авантюру, – ответил он, опуская козырёк кепки как можно ниже.

Уткнувшись лицом в обмотанный вокруг шеи шарф, Виктор пьяной походкой направился к машине.

– Мужик, огоньку не найдётся? – спросил он заплетающимся языком, постучав в боковое стекло машины, закрыв водителю на время обзор наружной двери моего подъезда.

Мне удалось незаметно прошмыгнуть в подъезд. Сердце колотилось от волнения, а руки не слушались меня, не позволяя вставить ключ в замочную скважину. Справившись, наконец, с этой внезапно ставшей трудновыполнимой задачей, вошла в квартиру и, подбежав к окну, начала всматриваться в темноту. Шеф курил, сидя в машине, опустив стекло боковой дверцы, а Виктор удалялся пьяной походкой по направлению к шоссе.

«Какая же я всё-таки дура, – думала я. – Подбила Виктора на эту авантюру, не удосужившись даже узнать заблаговременно, открыта ли фрамуга в кабинете Бориса Львовича. А этот дурацкий маскарад! Просто детский сад какой-то. А если бы нас задержала милиция? Представляю, какие неприятности могли быть на работе у Вити, тем более он только недавно перевёлся в Ригу. Да и мне мало бы не показалось. В больнице, наверное, до сих пор судачат о том, что меня подозревали в убийстве, а у дверей моей палаты больше недели торчал милиционер. Не хватало только письма из милиции на имя главврача с просьбой осудить товарищеским судом сотрудницу Илюшину Татьяну Павловну за занятие проституцией в свободное от работы время. Ужас! – От одной этой мысли меня прошиб холодный пот. – Недаром в народе говорят: „Когда Бог хочет наказать, он отнимает ум“».

Я ещё раз прильнула к оконному стеклу. Белые жигули в темноте, да ещё в полнолуние, были видны как на ладони. Кажется, шеф не собирался уезжать. «Представляю, что он сейчас обо мне думает. Наверное, благодарит Бога за то, что не позволил ему связать свою судьбу с такой лживой тварью, как я. Просто хочет убедиться в этом. И каким всё-таки благородным человеком оказался Виктор. Может, и правда не судьба мне выйти замуж за Рихтера», – продолжала я анализировать, застилая в потёмках диван.

Ранним утром я проснулась от шума заведённого мотора. Подбежав к окну и увидев, что шеф собирается уезжать, я начала бешено стучать по оконному стеклу, чтобы обратить на себя его внимание. «Если он сейчас уедет, это – конец. Я никогда не смогу убедить его, что ночью была дома», – пронеслось в голове. К счастью, он услышал звон дребезжащего стекла. Посмотрев на меня несколько секунд недоумевающим взглядом, Рихтер заглушил мотор и направился в мой подъезд.

– Вот приехал вас навестить с утра, Татьяна Павловна. Кое-что из продуктов привёз, – сказал он, ставя на стол пакет. – Я сегодня дежурю. Так что вечером заехать не смогу. Как ваше здоровье?

– Уже хорошо. Вчера нездоровилось. Наверное, от переживаний. Рано спать легла. Первую ночь спала как убитая, – соврала я. – Думаю через пару дней выйти на работу.

– Бедная моя девочка! – произнёс Рихтер, прижимая мою голову к своей груди. – Пока окончательно не выздоровеете, я запрещаю вам даже думать о работе. Ну, мне пора! Вечером позвоню. – И, одарив меня целомудренным поцелуем, он удалился.

Вздохнув с облегчением, как только за шефом закрылась дверь, я позвонила Виктору.

– Витенька, прости меня! Больше этого не повторится. Как ты вчера добрался домой?

– Без проблем. На попутке.

– Вить, у меня последняя просьба. Не мог бы ты прощупать этого Евгения Борисовича? Обещаю, я больше тебя не побеспокою.

– Танюша, я уже говорил тебе и ещё раз повторяю, ты можешь во всём положиться на меня. Только прошу тебя не делать ни одного шагу без моего ведома. Кстати, как там твой Ромео?

– Всю ночь проспал в машине, а утром соврал, что только что подъехал.

– Ладно, Тань, сегодня же постараюсь пробить информацию о твоём ювелире, а если удастся, то и пообщаться с ним.

Поблагодарив Виктора за помощь, я стала думать, что ещё могу сделать, чтобы вызволить Зину из западни и найти настоящего преступника. Подставлять Виктора больше не хотела, да и не имела морального права. Он и так столько сделал и делает для меня, а я ничего не могу

дать ему взамен. Я чувствовала, что убийца должен был оставить хоть какие-то улики на месте преступления, и чем больше проходило времени с момента преступления, тем меньше становилась шансов их обнаружить, тем более после открытия магазина.

«Бедная Зина! Сидит сейчас за решёткой с настоящими преступницами, убитая горем. Может быть, даже думает, что это я её подставила, рассказав Никишкину о том, что она заходила в магазин. Точно. Скорее всего, так и есть. Какой кошмар! – думала я. – До предъявления обвинения осталось чуть более суток. Уже завтра, как сказал Виктор, её могут перевести в СИЗО». Мне стало совсем не по себе при этой мысли. Я представляла Зину в наручниках, сопровождаемую 2-мя охранниками в камеру, и лязг закрывающегося за ней затвора дверей.

Внезапно возникший перед глазами образ Пал Палыча вернул меня к действительности. «Может быть, он сможет помочь мне дельным советом, – подумала я, бросившись к записной книжке, где был записан его номер телефона. – Хорошо, что сегодня суббота. Он должен быть дома».

Трубку подняла его жена.

– Доброе утро, Катя! Извините, что звоню так рано в выходной день. Но мне срочно нужно поговорить с вашим супругом. Он дома?

– Павел! – крикнула она. – Это тебя. Татьяна. – И через минуту продолжила: – Сейчас подойдёт. А что случилось?

– Это не телефонный разговор. Катя, можно я к вам приеду?

– Конечно.

Через несколько минут к телефону подошёл сам Пал Палыч.

– Слушаю, Танюша.

– Мне срочно нужно поговорить с вами тет-а-тет.

– Нет проблем. Приезжай. Записывай адрес. Мы с Катюшей собрались на центральный рынок. Будем дома через пару часов.

– Через два часа буду у вас. Ещё раз извините за беспокойство.

– Ну, какое же это беспокойство? Мы всегда рады тебя видеть.

Пал Палыч с Катей проживали в элитном районе Риги – Межапарке, что в переводе означает «лесной парк», застроенном коттеджами и виллами ещё с дореволюционных времён. Когда-то его семье принадлежал двухэтажный коттедж с большим садом, но после его национализации советской властью, в собственности осталась только двухкомнатная квартира, правда, с большими комнатами, кухней и террасой, с двумя выходами, высокими потолками с лепниной и роскошной печкой, покрытой изразцами. Окна в гостиной полукругиями выдавались наружу. Дом находился на маленькой тупиковой улочке, так что я с трудом его нашла. В саду было много плодовых деревьев. Кое-где на оголившихся ветках висели ещё не собранные яблоки. Земля была устлана разноцветным ковром из опавших листьев. Недалеко от дома находилось то самое озеро, на которое в детстве мы всей большой и дружной роднёй ездили отдыхать.

Как только я подошла к калитке, изнутри дома раздался лай собак. Почти в это же время к воротам подъехал «Фольксваген гольф», на котором и приехали хозяева. Поздоровавшись, я помогла выгрузить им покупки из машины и донести до дома. В прихожей нас встретили две таксы. Одна была чёрного цвета, другая рыжая. Один из псов оказался отцом, а другой его сыном. Они были очень дружелюбными, но избалованными донельзя. Им разрешалось спать где вздумается, лежать на новом диване и даже есть сырое мясо, которое покупалось для них на центральном рынке, не сходя со своего места.

На звук открывающейся двери из кухни с мяуканьем выбежало несколько кошек разного окраса. Оказывается, Пал Палыч с Катей были большими любителями животных. У них в сарае каждый год появлялся новый приплод от приблудивших кошек, из которого некоторых

они забирали домой, других подкармливали на месте, соорудив для них тёплое местечко для зимовки.

Катя направилась на кухню кормить кошек, а Том и Джером (так звали собак), получив чуть не по половине сырой курицы, нагло уселись на диване, уплетая лакомство.

Я обратила внимание на то, что в гостиной было много охотничьих трофеев, а на одной стене висела большая коллекция ружей.

– Вторая в Латвии по величине после Пуго, – сказал Пал Палыч, перехватив мой взгляд.

– Первого секретаря ЦК КП Латвии? – задала я уточняющий вопрос, ставя на стол бутылку водки.

– Его самого. Вон за то чешское ружьё, – он с гордостью показал на одно из ружей, – мне предлагали новые жигули, но я отказался. Присаживайся, Танюша, на кресло и выкладывай, что у тебя стряслось. Катюш! – крикнул он жене, усаживаясь во второе кресло. – Принеси нам что-нибудь закусить и две рюмки.

– Вы, наверное, знаете, в какую неприятную историю я вляпалась.

– Слышал от Сани. Как я понимаю, всё хорошо закончилось.

– Для меня – да. Но милиция задержала невиновного человека. Теперь ей грозит тюрьма. – И я начала рассказывать всё с самого начала.

Вошла Катя, неся поднос с закусками и две рюмки. Пал Палыч, деловито открыв бутылку, начал разливать водку.

– Спасибо, я не буду.

– Может, ты, Катюша, приголубишь рюмочку? – обратился он к жене. Так Пал Палыч любил называть этот процесс, обращаясь к женщинам.

– Пожалуй, – ответила та, пригубив рюмку и закусив кружочком докторской колбасы. – Ну, не буду вам мешать. Пойду обед готовить.

– Да, история скверная, – после некоторых раздумий произнёс собеседник. – В ментовке не будут до истины докапываться. Им главное стройную версию состряпать и преступника назначить. А здесь все улики против твоей Зины. Боюсь, ей не отвертеться.

– Может, адвокат сможет ей помочь?

– Адвокаты в нашей стране не имеют особого веса. Скорее их роль заключается в придании судебному процессу вида законности. Мол, защитник был? Был, но не доказал невиновность своего подзащитного. Значит – виновен. У нас главная роль прокурорам и судьям отводится. Да ещё и недобросовестный следователь может улики подтасовать, чтобы показатели по раскрываемости преступности улучшить и лишнюю звёздочку на погоны нацепить. А твой Никишкин, насколько я понял, как раз из таких будет.

– К сожалению, да, – подтвердила я с тяжёлым вздохом. – И что же теперь делать? Нельзя же допустить, чтобы посадили невиновного человека.

– Ты даже представить себе не можешь, Танюша, сколько невиновных людей по тюрьмам сидит. У твоей Зины только один шанс – если удастся ювелира раскрутить. Сдаётся мне, это его рук дело, – заключил Пал Палыч, наливая себе очередную рюмку.

– Павел, не больше 3-х. Скоро обед, – предупредила Катя, выглядывая из кухни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.